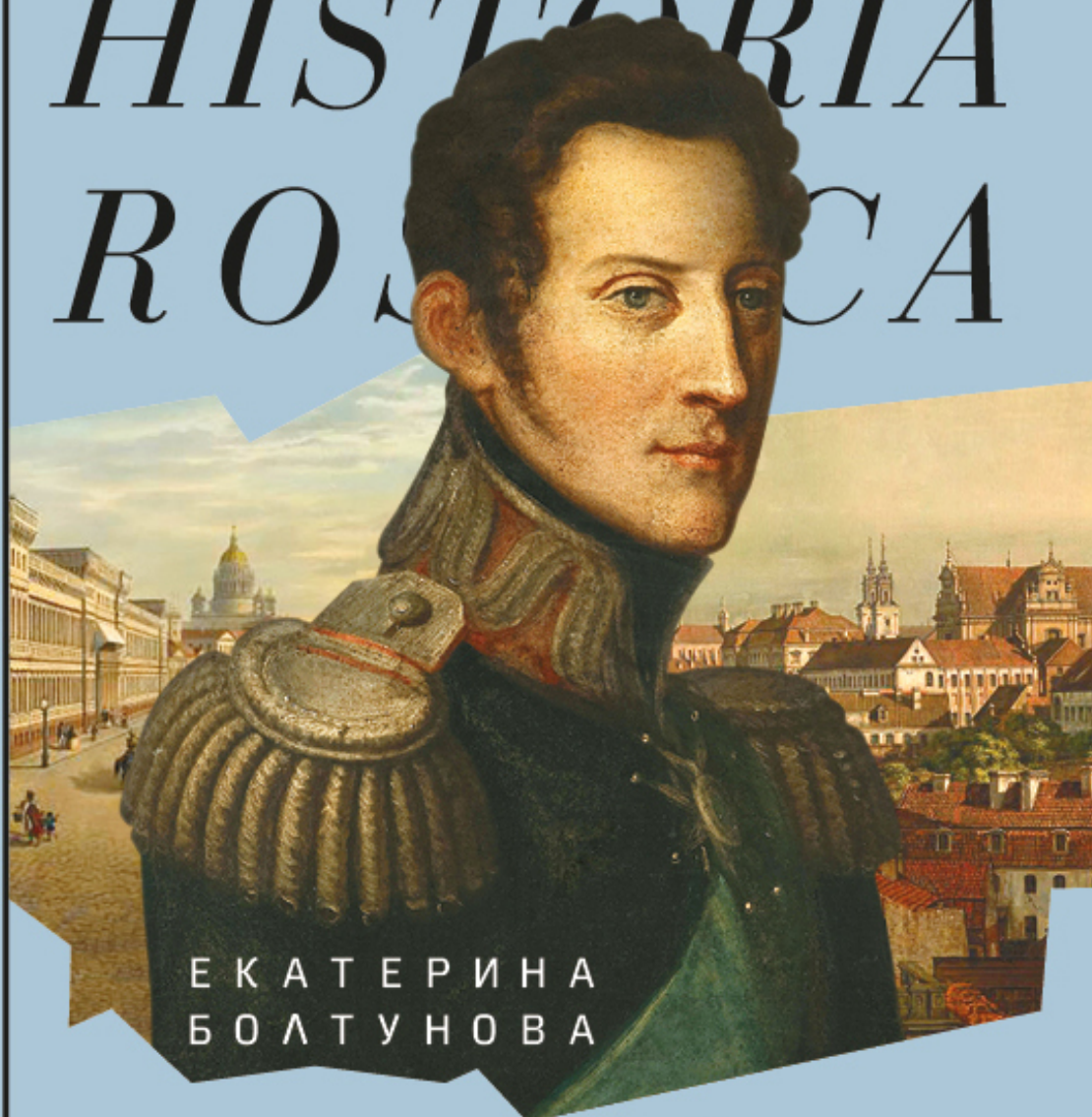

HISTORIA РОССИИ

ЕКАТЕРИНА
БОЛТУНОВА

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЬСКИЙ КОРОЛЬ

КОРОНАЦИЯ НИКОЛАЯ I
В ВАРШАВЕ В 1829 Г.
И ПАМЯТЬ О РУССКО-
ПОЛЬСКИХ ВОЙНАХ
XVII – НАЧАЛА XIX В.

Historia Rossica

Екатерина Болтунова

**Последний польский король.
Коронация Николая I в Варшаве в
1829 г. и память о русско-польских
войнах XVII – начала XIX в**

«НЛО»

2022

УДК 94(47+438)«1829»
ББК 63.3(2)51

Болтунова Е.

Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в / Е. Болтунова — «НЛО», 2022 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-44-482071-1

В 1829 году император Николай I принял на себя титул польского короля, проведя коронацию в Варшаве, столице Царства Польского. Таким образом он выполнил одно из положений Конституции, пожалованной Польше его старшим братом и предшественником на престоле Александром I. Варшавское действие стало событием уникальным в российской истории: ни до, ни после ни один из российских монархов не короновался как польский король. Николай I был человеком консервативных взглядов и решение Александра I даровать Польше особые права не поддерживал. Однако после долгих раздумий, сомнений и вопреки своим убеждениям, он принял решение о проведении коронации. В книге Екатерины Болтуновой история подготовки и проведения коронации становится поводом для размышлений о выборе российской политической стратегии на западных границах империи и о ментальных установках имперской элиты первой трети XIX века. Екатерина Болтунова – кандидат исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), заведующая Лабораторией региональной истории России НИУ ВШЭ.

УДК 94(47+438)«1829»

ББК 63.3(2)51

ISBN 978-5-44-482071-1

© Болтунова Е., 2022

© НЛО, 2022

Содержание

Благодарности	6
Введение	8
Часть I. Коронация	17
Глава 1	17
1.1. Страх	17
1.2. «Любезный брат» Константин	27
1.3. Мучительная переписка	35
1.4. «Магический талисман» против Орленка	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Екатерина Болтунова

Последний польский король.

Коронация Николая I в Варшаве

в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в

Благодарности

Появление этой книги стало возможным благодаря помощи самых разных людей и институций, поэтому для меня важно выразить глубокую и искреннюю признательность друзьям и коллегам, сопровождавшим меня на пути к этой цели.

Я искренне благодарна тем, кто содействовал мне в поиске источников, сохранившихся в архивах, библиотеках и музеях Москвы, Петербурга, Смоленска, Пскова, Варшавы, Кракова, Парижа и Хельсинки, – Алексею Васильеву, Марии Долговой, Марии Ивановой, Федору Мелентьеву и Олегу Чистякову. Я хотела бы также упомянуть Диану Андрееву и Елену Говорину, помогавших мне с разбором разных текстов, и Полину Левину, которая перевела для Приложений к книге несколько речей Александра I и Николая I, адресованных польскому сейму. Я признательна польским коллегам Ежи Гутковскому и Збигневу Тухольскому, которые щедро поделились со мной своими материалами и архивными находками. Работа в Польше оказалась по-настоящему плодотворной и благодаря Эльжете Ковальчик, много помогавшей мне, особенно в Музее Войска польского.

Особую признательность я хотела бы выразить моим помощницам в Москве и Варшаве – Наталии Бересневой и Агате Гач. Агата смогла найти для меня немало ценных материалов в архивах и библиотеках Варшавы, а Наталия приложила очень много усилий для того, чтобы текст книги обрел выверенный и литературно правильный вид.

Многие соображения, изложенные в книге, возникли в результате дискуссии с коллегами, изучающими историю России периода Московского царства и Российской империи. Большое значение для выстраивания логики моих рассуждений имели обсуждения текущих выводов работы на семинарах в Университете Иллинойса в Чикаго, Индианском, Йельском, Варшавском и Хельсинкском университетах, Германском историческом институте в Москве, Высшей школе экономики и Институте славяноведения РАН. Я хочу выразить признательность всем, кто принимал участие в этих дискуссиях, особенно Сергею Антонову, Еве Берар, Эдите Бояновской, Хенрику Глембоцкому, Ольге Каштановой, Падрику Кенни, Никосу Крисицидису, Владиславу Ржеуцкому, Татьяне Сабуровой, Денису Сдвижкову, Екатерине Скворцовой, Барбаре Скиннер, Кили Стаутер-Холстед, Наталье Филатовой и Ольге Хавановой. Я также благодарна за ценные замечания Полу Верту и Вилларду Сандерленду, которые прочли и обсудили со мной отдельные главы книги.

Я бы хотела поблагодарить Марину Могильнер и Илью Герасимова, много помогавших мне во время моего пребывания в Чикаго в 2017–2018 гг. Комментарии Марины и Ильи и возможность представить самый первый драфт работы на семинаре в Университете Иллинойса в Чикаго, без сомнения, стали для меня поворотным моментом в понимании того, как именно следует развивать проект книги.

С большой признательностью я вспоминаю разговоры с Иеронимом Гралей, обратившим мое внимание на символическую составляющую пространства Варшавы и значение, которое

имела для Польши присяга, принесенная царем Василием Шуйским Сигизмунду III. Это заставило меня сформулировать новый круг вопросов, вернуться к своим источникам и рассмотреть позицию российских императоров в отношении формирования в Царстве Польском альтернативной (по отношению к русской) памяти о событиях начала XVII, а равным образом и начала XIX в.

Благодарю за советы моих рецензентов Ричарда Уортмана и Пола Бушковича. Я была очень рада, когда Ричард и Пол согласились прочесть только что написанную книгу и высказать свои соображения. Эти отзывы дали мне возможность уточнить некоторые аспекты и позиции и, главное, позволили обрести уверенность в состоятельности итогового результата многолетней работы. Обсуждение текста с Ричардом и Полом стало для меня и глубоко личным переживанием – ведь эта книга была во многом вдохновлена «Сценариями власти» Ричарда Уортмана, которого я считаю своим учителем и другом, а книги Пола Бушковича я всегда полагала примером эталонной исследовательской работы.

Названием этой книги я обязана Дженнике Бейнс из «Индиана Университи Пресс». Во время обсуждения проспекта будущей книги Дженника предложила мне использовать яркий и одновременно очень точный заголовок – «Последний польский король». «Попадание» было настолько точным, что другие варианты заголовка я больше не рассматривала.

Для меня также очень важно выразить признательность Фонду Михаила Прохорова, Центру польско-российского диалога и согласия и Программе «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“», без поддержки которых я не смогла бы провести широкие архивные разыскания и представить результаты своей работы на самых разных международных площадках.

И, наконец, я хотела бы поблагодарить Ирину Прохорову, ставшую одним из моих первых читателей и одоблившую публикацию книги в издательстве «Новое литературное обозрение». Издать свою работу в серии «Historia Rossica» было моей давней мечтой.

Эта книга была бы невозможна без интеллектуального участия и душевной щедрости моего мужа Сергея Пантеева, который прошел со мной весь путь от появления первого замысла до публикации итогового текста работы. Его потрясающие яркие и глубокие идеи, острые критические замечания и упорное стремление к успеху давали мне возможность для развития и силы идти вперед. Без поддержки Сергея моя жизнь и научная карьера были бы совершенно иными. Ему я посвящаю эту книгу.

Моему мужу Сергею Пантееву

Введение

В мае 1830 г. Адриан Моисеевич Грибовский, некогда статс-секретарь императрицы Екатерины Великой, человек, давно отошедший от дел и политики, занимавшийся тяжбами и предававшийся воспоминаниям о днях минувших, записал в своем дневнике: «В газетах напечатана речь Царя Польского представителям того царства, при открытии заседаний сейма. Странно видеть Государя самодержавного, обладающего 50-ю миллионами народов на третьей части полушария, говорящего конституционным языком и представляющего власть свою ограниченную перед горстью народа, всегда России враждебного, в то время, когда в сей последней указ, не только им подписанный, но от его имени объявленный, решает, без малейших обрядов и форм, жизнь и участь, и высших, и низших сословий, и где за малейшее против правления замечание со стороны частного человека может он ужасно пострадать»¹.

Адриан Моисеевич жил в Москве, которая всего 18 лет назад была сожжена войсками Наполеона, в составе которых было более сотни тысяч поляков². Бывший статс-секретарь не мог постичь сути произошедшего: зачем Николаю I потребовалось выступать на открытии польского сейма, зачем всевластный российский император умалял свое достоинство перед, в формулировке Грибовского, всегдашними врагами. Ведь каждое Рождество было днем победы в войне против наполеоновского нашествия, а на Красной площади уже больше десятилетия стоял памятник Минину и Пожарскому. Он не мог уразуметь, почему Николай I полагает правильным говорить «конституционным языком» с поляками, тогда как для остальной России главным средством в его арсенале был произвол. Екатерининский вельможа не мог взять в толк суть происходящего или, что также вероятно, не решался высказать свое мнение – в конце концов, свои дневники он вел не только «для себя и своих». В любом случае он четко зафиксировал противоречие между Николаем – Самодержавным Государем и Николаем – Царем Польским и нашел для объяснения этого явления емкое, а главное, безопасное слово – «странно».

Если использовать формулировку Грибовского, «странности» николаевской политики в связи с Польшей не ограничивались «конституционными» речами на сейме. Вопреки укоренившемуся в исторической памяти – как польской, так и российской – представлению о том, что череду королей в истории Польши завершил Станислав Августовский Понятовский³, последним коронованным польским королем был именно Николай I. 12 (24) мая 1829 г. он выполнил положение 45-го параграфа Конституции, пожалованной Александром I Польше⁴, и возложил на себя корону в Варшаве. Это произошло спустя три года после николаевской коронации в Успенском соборе Московского Кремля, состоявшейся 22 августа 1826 г. Варшавская коронация, во время которой император принял на себя титул польского короля, стала событием уникальным: ни до, ни после ни один из российских монархов не короновался как польский король, при этом повторная коронация шла вразрез с устоявшейся в России традицией.

Польская коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. относится к категории забытых исторических событий. В России ее перестали вспоминать почти сразу после проведения, а окончательно «забыли» спустя всего полвека. В изданиях, посвященных церемониалу коронаций российских монархов в целом, или же в более поздних коронационных сборниках, часть объ-

¹ [Грибовский А. М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой // Русский архив. 1899. Кн. 1. С. 97.

² Попов А. И. Иностранные контингенты Великой армии // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Под ред. В. М. Безотосного, А. А. Васильева и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 306; Неуважный А., Васильев А. Польские войска // Там же. С. 580.

³ См., например: *Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom.* New York: Columbia University Press, 1987. P. IX.

⁴ Конституционная хартия Царства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830 / Отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 530.

ема которых отводилась под историческое обозрение, коронация Николая I в Варшаве никогда не упоминалась⁵. Так, первый том двухтомного «Коронационного сборника» 1899 г., посвященного коронованию Николая II и Александры Федоровны, содержал пространное описание традиции самого обряда, но обошел своим вниманием этот исторический эпизод⁶.

В исследовательской литературе вторая коронация Николая I оказывалась предметом рассмотрения (а чаще только упоминания) лишь на страницах биографий императора, в искусствоведческих обзорах и каталогах⁷. Отметим, впрочем, что церемония была известна российским полонистам⁸: именно им принадлежат две недавно опубликованные специальные статьи по этой теме⁹. В целом для широкой академической среды коронация осталась своего рода необычным сюжетом из биографии Николая I или примечательным эпизодом русско-польских отношений соответствующего периода. Чаще всего специалисты, изучающие имперскую Россию, о проведенном действе либо не знали, либо не придавали ему существенного значения. Показательно, что этот эпизод не попал в поле зрения крупнейшего современного исследователя политической символики в России Ричарда Уортмана, в работе которого о «сценариях власти» в Российской империи николаевскому «сценарию» посвящена отдельная глава¹⁰. Последнее, между прочим, представляется совершенно оправданным. Как будет показано ниже, коронация в Варшаве была связана с логикой презентации власти Романовых в России весьма условно. В Польше коронация известна столь же мало. Посвященные ей статьи единичны и трактуют событие как очередную, хоть и причудливую форму политического давления на Польшу. При этом работают с материалом, как и в России, главным образом искусствоведы¹¹.

Важно отметить, что в российской историографии в целом за положительную сторону отношений с Польшей «отвечает» Александр I, Николаю же предписаны действия сугубо отрицательные – пренебрежение Конституционной хартией 1815 г., репрессии против поляков и,

⁵ Венчание русских государей на царство начиная с царя Михаила Федоровича до императора Александра III. СПб., 1883.

⁶ Коронационный сборник / Под ред. В. С. Кривенко. СПб., 1899. Т. 2. Вторая николаевская коронация попала лишь в описание Пятницкого, изданное несколькими годами ранее и представляющее собой исключение из общего ряда подобных работ (*Пятницкий П. П.* Сказание о венчании русских царей и императоров. М., 1896. С. 49, 58–60).

⁷ *Высочков Л. В.* Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 263–265; *Шильдер Н. К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб.: Издание Суворина, 1903. Т. 2. С. 212–224; *Фирсов С. Л.* Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету // Фирсов С. Л. «Якорь спасения». Православная церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I. Очерки истории. СПб.: Изд-во СПбДА, 2021. С. 37–40; *Grunwald C. de.* Tsar Nicholas I. New York: The Macmillan company, 1955. P. 100–101; *Краевский А.* Польские короны Московского Кремля // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников семнадцатого colloquium (14–18 апреля 2009 г.). Государственный Эрмитаж. СПб., 2009. С. 61–65; *Кузнецова Л. К.* Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. М.: Центрполиграф, 2017. С. 103–105.

⁸ *Носов Б. В.* Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830 / Отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 272–273; *Фалькович С. М.* Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830) // Там же. С. 406–407; *Обушеникова Л. А.* Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М.: Наука, 1979. С. 70.

⁹ В работах О. С. Каштановой и Н. М. Филатовой предпринята попытка реконструкции происходивших событий и анализа коронационных торжеств в Варшаве 1829 г. в рамках российской и польской культурных традиций (*Каштанова О. С.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год) // Славяноведение. 2013. № 5. С. 37–48; *Филатова Н. М.* Варшавская коронация Николая 1829 г.: русский и польский взгляды // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / Отв. ред. О. В. Хаванова, М. В. Лескинен. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 63–80).

¹⁰ *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2004. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 336–543.

¹¹ *Milewska W.* Uczta dla ludu w Ujazdowie w 1828 roku – miejsce niedoszłego zamachu na cara // Arma virumque cano. Profesorowi Zdzisławowi Żygulskiemu jun. w osiemdziesięciolecie urodzin. Kraków, 2006. S. 182–183; *Zawadzki W. H.* A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 297; *Getka-Kenig M.* The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–1830). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion // Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie. 2013. Vol. 3. P. 388–402; *Grzeluk I.* Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku // Kronika Zamkowa. 2004. № 1–2/47–48. S. 73–81; *Gutkowski J.* Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie // Kronika Zamkowa. 1987. № 6 (14). S. 3–9.

наконец, подавление Варшавского восстания 1830–1831 гг. В рамках польского академического дискурса Николай I жестко соотнесен с репрессиями и травматичным опытом или вовсе выброшен из исторического контекста в силу особенностей восприятия в Польше этого периода как своего рода «перерыва в истории»¹². Принято также говорить и о полуневротической, на грани невроза, полонофобии императора¹³. В этом смысле Николай – император Всероссийский, возлагающий на себя корону Царства Польского, то есть в каком-то смысле пропольский Николай, – образ, который плохо уживается с традиционными трактовками как личности самого императора, так и его отношения к созданному Александром I Царству Польскому. Такой Николай оказывается фигурой совершенно непонятной, а значит, и сам контекст воспринимается как случайный и в целом малоактуальный.

Объяснение, почему событие такого уровня оказалось забытым, связано с последствиями коронации, которая, как я постараюсь показать, послужила толчком к детроизации Николая I в 1830 г. и восстанию 1830–1831 гг.

Однако, прежде чем говорить о коронации, необходимо дать комментарий относительно положения польских земель в составе Российской империи. Как известно, в результате разделов Польши Австрией, Пруссией и Россией (1772, 1793, 1795 гг.) последней была аннексирована значительная территория на западных границах империи. В политическом отношении аннексия была оформлена созданием нескольких новых губерний, которые в ряде случаев формировались с включением земель, входивших в состав Российской империи до разделов Польши¹⁴. Иными словами, участница разделов Польши императрица Екатерина II стремилась инкорпорировать польские земли в существующую структуру административного устройства и не планировала создание на западной границе какой-либо особой в политическом отношении структуры. На символическом уровне приращение империи было оформлено как возврат «исконно принадлежавших» России, но утерянных земель. Примечательна, однако, особенность, отмеченная в литературе: вхождение польских земель в состав Российской империи не сопровождалось устройством традиционного празднования. Если присоединение Причерноморья после Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. было ознаменовано масштабным, поразившим современников своим великолепием народным гуляньем на Ходынском поле в Москве, приобретение земель на западной границе империи не стало поводом к организации схожего мероприятия¹⁵. Очевидно, что равному проявлению имперской радости по поводу присоединения турецких и польских земель препятствовали как факт получения территории на западной границе в результате политической манипуляции (а не победоносной войны), так и ориенталистская модель деления мира на неравные в цивилизационном отношении части (Запад и Восток; цивилизованный мир и пространство варварства). Если вхождение в состав империи территорий варварского Востока достаточно естественно осмыслялось в рамках цивилизатор-

¹² См. об этом: *Филатова Н. М.* «Перерыв в истории». Эпоха конституционного Королевства Польского (1815–1830) в восприятии историков-современников // *Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда: Сборник статей.* М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 136–157. Появившаяся еще в императорские времена и заимствованная впоследствии советской литературой интерпретация 1825–1830 гг. как кризисного периода, связанного с нарушением конституции, репрессиями в отношении поляков и отказом от обещанного присоединения Литвы к Царству Польскому содержится в работах Ш. Аскенази. См.: *Аскенази Ш.* Царство Польское. 1815–1830 гг. М., 1915. С. 160.

¹³ Полонофобию Николая I часто связывают с влиянием его няни – шотландки мисс Лайон, оказавшейся свидетелем восстания Костюшко и убийства русского гарнизона в Варшаве (1794 г.). См., например: *Корф М. А.* Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817) // *Сборник Русского исторического общества (далее – Сборник РИО).* 1896. Т. 98. С. 12–14. Разбор таких историографических оценок содержится в статье Е. Щербаковой (*Щербакова Е.* Нянюшкины сказки // *Родина.* 2013. № 3. С. 25–26).

¹⁴ В результате 1-го раздела Польши (1772) были созданы две новые губернии – Могилевская и Псковская, при этом в екатерининском наказе генерал-майорам М. В. Каховскому и М. Н. Кречетникову значилось указание «включить часть наших провинций» в состав новых губерний (Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание 2. Т. 19. № 13807. С. 508).

¹⁵ *Каменский А. Б.* Россия в XVIII столетии: Общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти. СПб.: Алетейя, 2017. С. 173.

ской миссии России, то вопрос расширения империи на Запад, то есть в сторону Европы, был настоящей ментальной проблемой.

Второй раунд присоединения польских территорий к Российской империи связан с правлением Александра I. В 1815 г. после победы над Наполеоном в состав Российской империи вошли польские земли, принадлежавшие с конца XVIII в. Пруссии, а затем образовавшие по решению Наполеона Герцогство Варшавское. Эти территории стали частью Российской империи в рамках совершенно иного политического статуса. Риторика присоединения не только не апеллировала категориями завоевания (как можно было бы ожидать по окончании войны), но, напротив, была развернута в сторону признания политической субъектности этих территорий. Именно такой формат был предложен Александром I во время Венского конгресса в 1814–1815 гг. После продолжительной дискуссии и не без серьезного нажима со стороны российского императора он был одобрен странами – участницами конгресса¹⁶. Иными словами, российский император считал необходимым не просто выдвинуть идею особости польских территорий, их политической субъектности, но и оформить это как коллективное европейское решение.

Результатом стало создание на западной границе Российской империи такой необычной в политическом отношении структуры, как Царство Польское (в терминологии, имевшей хождение в Польше, – Королевство Польское). В 1815 г. император Александр I даровал этой территории конституцию. Административный аппарат в значительной мере остался прежним, официальными языками делопроизводства были польский и французский, конфессиональная политика не имела целью насаждение православия, а налоговые сборы не уходили в казну Российской империи.

Польские земли, вошедшие в состав Российской империи в екатерининские времена, не стали при этом частью Царства Польского. Это создавало сложный комплекс отношений между Александром I и поляками, поскольку император поддерживал существовавшие надежды на присоединение аннексированных Екатериной II территорий (по крайней мере Литвы) к Царству Польскому, но так и не решился реализовать данное обещание.

Политика императора Александра I в отношении Польши – его чрезвычайное расположение к полякам, стремление почти каждый год посещать свою польскую столицу¹⁷ – вызывала у его российских подданных самые разные, часто резко негативные реакции. Причиной тому были как события двухсотлетней давности (участие Речи Посполитой в политическом кризисе Московского царства начала XVII в., включавшее в себя военную интервенцию и захват Смоленска и Москвы), формирование памяти о которых пришлось на начало XIX в., так и события недавнего прошлого. Для представителей российской – особенно военной – элиты активное участие поляков в походе на Россию в составе наполеоновских войск в 1812 г. было частью личной памяти. Однако с вхождением Царства Польского в состав империи упоминание о военных столкновениях между Россией и Польшей не только не приветствовалось властью, но и в значительной мере перешло в зону табуирования. Забывание недавнего противостояния двух стран при Бородино и Березине, с одной стороны, и попытка выстраивания концепции единства двух народов, с другой, стали новой политической стратегией правящей элиты.

Александр I, как уже упоминалось, включил в польскую Конституционную хартию 1815 г. параграф, предписывающий его наследнику на престоле короноваться в качестве польского короля¹⁸. Не вполне понятно, намеревался ли сам Александр I возложить на себя польскую корону, однако известно, что по его приказу в архивах искали польские коронационные церемониалы, пытаясь параллельно узнать и о судьбе регалий, вывезенных прусской армией из

¹⁶ Об этом, а также об исследовательской литературе в связи с действиями Александра I на Венском конгрессе см. главу 6.

¹⁷ *Филатова Н. М.* Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды. С. 64.

¹⁸ Конституционная хартия Царства Польского. С. 530.

Кракова. Во время Венского конгресса, а затем спустя почти десятилетие в 1824 г., не зная об уничтожении регалий, Александр I обращался к прусскому королю Фридриху-Вильгельму III с просьбой об их поиске¹⁹. Очевидно, что возможность коронации, по крайней мере в первые годы существования Царства, не исключали ни в Польше, ни в России. Так, в переписке А. А. Закревского и М. С. Воронцова 1816 г. обращает на себя внимание сообщение первого «под секретом», что император «к 15 сентября желает быть непременно в Варшаве, где намеревается, как говорят, короноваться». Информация сопровождалась в тексте письма ироничным комментарием – «Очень нужно!»²⁰

К моменту смерти Александра I особое положение Царства Польского определялось также присутствием в Варшаве великого князя Константина Павловича, постоянно жившего в столице Царства с середины 1810-х гг. Его отречение от престола, подписанное в 1822 г., не было опубликовано, и в глазах общества цесаревич был наследником престола. Формально Константин командовал польской армией, однако в действительности он был облечен в Польше самой широкой властью, распространявшейся не только на Царство, но вообще на польские земли Российской империи – Гродненскую, Виленскую, Минскую, Волынскую, Подольскую губернии и Белостокскую область²¹. Непопулярный в Польше, но находившийся под сильным влиянием жены – польской аристократки и католички княгини Лович, великий князь Константин видел себя человеком, выступающим от лица поляков и призванным защищать интересы Польши перед Петербургом.

Александровское установление относительно коронации в Польше стало для Николая I настоящей дилеммой. Император был человеком консервативных взглядов и не поддерживал решение брата и предшественника на престоле даровать Польше особые права. Казалось бы, ожидаемой линией поведения в этой связи должен был стать отказ от предписанного императором Александром установления. Николай I, однако, избрал совершенно иную модель поведения: после долгих сомнений он принял решение о проведении коронации. При этом монарх действовал вопреки собственным эмоциональным реакциям, главной из которых в связи с проведением церемонии он называл «отвращение»²². Иными словами, император отделил собственные личностные оценки от того, что, как он полагал, было правильной политической стратегией.

Вопрос о том, что заставило Николая поступить подобным образом, – ключевой. Конечно, можно рассуждать о доктринерском характере монарха²³. Формируя собственное «я», император действительно использовал образ рыцаря и был склонен вести себя в рамках заданных норм. Показательно в этом отношении его поведение в период «междоцарствия». Николай I присягнул великому князю Константину, зная о существовании акта об отречении²⁴, то есть действовал именно в соответствии с формальными установками. В момент разворачивания событий сам император осмыслил свои действия исключительно в категориях долга.

¹⁹ Каушанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 39.

²⁰ Архив князя Воронцова: В 40 кн. Кн. 37. М., 1891. С. 271.

²¹ Дивов П. Г. Из дневника П. Г. Дивова (1831 г.) // Русская старина. 1899. № 12. С. 526; Каушанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России: Диссертация. М., 2000. С. 118.

²² Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829) // Сборник РИО. СПб., 1910. Т. 131. С. 325.

²³ Ф. Ф. Вигель оставил точное определение этой стороны характера Николая: «Он... был весь преданный чувству долга своего; в исполнении его он был слишком строг к себе и к другим» (Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Книжный Клуб Книговек, 2019. С. 519). Примечателен разговор Николая I с Бенкендорфом, во время которого император заявил: «Никогда... никогда не уклонюсь я от принципов: с принципами нельзя вступать в сделку, я же не вступлю в сделку с моей честью» (Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 291).

²⁴ В литературе приводится множество доводов, которые подтверждают, что в Николае Павловиче видели наследника (система воспитания, характер поездок за границу и по России, матримониальные планы в его отношении). Существует также множество указаний на то, что будущий император знал о существовании акта отречения Константина Павловича (Полиевктов М. А. Николай I: Биография и обзор царствования. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. С. 41–44).

14 декабря 1825 г. в письме к сестре, великой княгине Марии Павловне, он именовал себя «жертвой воли Божией и двух своих братьев», восклицая: «Наш ангел (император Александр I. – *Прим. авт.*) должен быть доволен – воля его исполнена, как ни тяжела, как ни ужасна она для меня»²⁵. По точному замечанию историка М. А. Полиевктова, Николай счел возможным «не считаться» с документами, которые указывали на него как на наследника престола Российской империи²⁶. Николай следовал букве закона до буквоедства. Интересно, что в период «междоцарствия» в нелогичном поведении Николая упрекали и императрица-мать²⁷, и великий князь Михаил Павлович. Последний заявил Николаю: «Зачем ты все это делал, когда тебе известны были акты покойного государя и отречение цесаревича? Что теперь будет при повторной присяге в отмену прежней и как Бог поможет все это кончить?.. Как тут растолковать каждому в народе и в войске эти домашние сделки и почему сделалось так, а не иначе»²⁸. Однако даже много лет спустя император был уверен, что альтернативы его решению не было²⁹.

История с польской коронацией пошла по схожему сценарию – «мы исполнили наш долг – будь, что будет». Т. А. Капустина прямо пишет, что, «унаследовав от Александра I польскую конституцию, он (Николай I. – *Прим. авт.*) считал своим долгом ее соблюдать и не отступал от обязанностей конституционного монарха до разрыва с Польшей в 1831 г.»³⁰.

В позиции императора также можно увидеть и политический расчет. Николай I принял решение короноваться в Варшаве вопреки собственным представлениям и установкам, согласно которым он уже давно был помазанником божьим³¹ и обладал властью над всей территорией империи, повинувшись установке чтить память императора Александра, а также реализуя потребность избавиться от давления великого князя Константина Павловича и помешать возможным (хотя и не подтвержденным в полной мере) планам Австрии короновать герцога Рейхштадтского. Однако в этом случае мы сталкиваемся с тем, что можно назвать пределом прагматического объяснения, – действие по своему масштабу оказывается намного значительнее причин, которые его вызвали. Давление, которое испытывал и которому в конечном итоге уступил император, было связано не только с практиками легитимации или внешнеполитической ситуацией, ведь к концу 1820-х гг. Николай I уже преодолел кризис первых лет царствования и обретал все большую уверенность в своих действиях. Но все же он ощущал, что был в долгу, причем в долгу не только перед братьями. Он был должен полякам и Польше.

Главные причины, по которым Николай решил возложить на себя корону Царства Польского, очевидно, лежали в сфере скорее ментальной, нежели практической. Причины, заставившие императора действовать вопреки собственными представлениям, имели к существующей политической реальности лишь опосредованное отношение. В известном смысле император Николай стремился предписать реальности то, какой ей следует быть.

Варшава 1829 г. стала точкой, где доктринерские представления монарха и необходимость действовать в соответствии с духом и буквой александровских начал наложились

²⁵ Николай I: pro et contra. Антология / Сост. Т. В. Андреева, Л. В. Высокочков. СПб.: НОКО, 2011. С. 71.

²⁶ Полиевктов М. А. Николай I: Биография и обзор царствования. С. 44.

²⁷ Николай I. Заметки на полях рукописи М. А. Корфа // Междоцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 39. О реакции императрицы Марии Федоровны и великого князя Михаила Павловича на принесение Николаем присяги Константину Павловичу см.: Мироненко С. В. Николай I // Российские самодержцы (1801–1917 гг.). М.: Международные отношения, 1994. С. 109, 111.

²⁸ Михаил Павлович, великий князь. Воспоминания великого князя Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 года, записанные бароном М. А. Корфом // Междоцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 55.

²⁹ Николай I. Заметки на полях рукописи М. А. Корфа. С. 39.

³⁰ Капустина Т. А. Николай I // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 42.

³¹ Таково и основное мнение исследователей этого вопроса. См.: Капитанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41; Фирсов С. Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету. С. 36–37.

на особое, выработанное русской политической элитой восприятие себя, Европы и Польши. Последняя в рамках этой парадигмы была маркирована как территория в широком смысле слова европейская. Даже утратившая государственность и уже находящаяся в составе Российской империи, она воспринималась как априори обладающая политической субъектностью. Следствием стало формирование установки, что отношения с этой частью империи надлежит выстраивать на совершенно особых основаниях.

Последнее подтверждается пропольской формой коронации, которая была реализована в Варшаве в 1829 г., и прямым отказом от распространения в Царстве трактовок и позиций, активно поощрявшихся на всей остальной территории империи. Речь идет о формировании памяти об Отечественной войне 1812 г. и Смуте начала XVII в. Используя слова самого императора из письма брату, можно сказать, что в период до начала восстания 1830–1831 гг. монарх изо всех сил и при этом вопреки личным представлениям и желаниям стремился быть «хорошим поляком»³². Все это ставит многочисленные вопросы, причем не столько о Царстве Польском как таковом, сколько о выборе российской политической стратегии на западных границах страны, о политической элите империи первой трети XIX в. и о том, как выстраивалась логика мирного сосуществования с недавним врагом после окончания большой, разрушительной и победоносной для России войны.

Эта книга не о Польше. Она о России.

Последнее обстоятельство требует от меня прояснить несколько позиций относительно исследовательской оптики и терминологического аппарата.

В первом случае речь идет прежде всего о критической оценке ряда историографических установок в связи с русско-польскими отношениями первой трети XIX столетия. К настоящему моменту в литературе сформирована устойчивая парадигма восприятия событий этого периода. Возникнув в рамках польской публичной сферы и интеллектуальной традиции, эта парадигма в большинстве своем разделяется современной российской и англо-американской историографией. Иными словами, анализ русско-польских отношений указанного периода зиждется – с тем или иным уровнем приверженности со стороны конкретного исследователя – на польской исторической интерпретации событий.

В рамках существующих конвенциональных установок можно отметить несколько ключевых позиций. Во-первых, политическая субъектность Польши рассматривается как существующая объективно, безотносительно потери государственности. Эта трактовка определила, в частности, широкую дискуссию о статусе польских земель в составе Российской империи. Оценки разнятся от указаний, что в это время Царство Польское обладало широкой автономией или было связано с Россией личной унией, до утверждений о политической независимости территории в период до восстания 1830–1831 гг.³³ В последнем случае главным аргументом является указание на решения Венского конгресса. При этом само Царство Польское традиционно определяется как территория, развивающаяся автономно в социальном, культурном и экономическом отношении, однако вынужденная в силу ряда обстоятельств взаимо-

³² Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша // Русская старина. 1900. Вып. 2 (февраль). С. 298–299.

³³ См., например: Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. СПб., 1909. С. 191–192; Четвертков А. М. Правовое положение западных национальных районов Российской империи в первой четверти XIX века: Диссертация. М., 1987; Ващенко А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.): Диссертация. М., 2000; Кашианова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 38; Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 46. См. также разбор исследовательских позиций в работе Б. В. Носова и Л. П. Марней (Носов Б. В., Марней Л. П. Региональная политика Российской империи в первой половине XIX в.: Царство Польское (1815–1830 гг.) // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 86–87).

действовать с Россией (как правило, отражая враждебные действия с ее стороны). Рассуждения подобного рода проистекают из представления о существовании в Царстве польской администрации и из оценки уровня культуры и образования в Польше как более высокого по отношению к России³⁴. В рамках этой интерпретации особое положение Царства считается естественным, само собой разумеющимся и не связывается с политическими решениями российских властей. Не имеет никакой связи с Российской империей и устоявшееся в польской и англо-американской историографии наименование, отсылающее к столетней истории российских польских земель, – «Królestwo Kongresowe» и «Kongresówka» (на польском) и «Polish Congress Kingdom» (на английском). На первый план здесь выдвигается идея коллегиального и, очевидно, не соотнесенного с Россией решения о новом статусе этих земель³⁵.

Стоит отметить, что похожим образом в историографии зачастую оформляется и статус Великого княжества Финляндского в составе Российской империи: согласно распространенной трактовке, в 1809 г. Финляндия обрела государственность, что представляло собой акт суверенной воли, лишь опосредованно сопряженный с результатами очередной русско-шведской войны и территориальными приобретениями Российской империи³⁶.

Во-вторых, оценка политического развития Польши в составе Российской империи интерпретируется исходя из апелляции к набору дуальных моделей (добро – зло, жертва – агрессор, красота – восхищение). В рамках этих оппозиций России, как правило, приписывается второй, отрицательно маркированный или объектный элемент. При этом дискурс борьбы за свободу (в советском изводе – борьбы с царизмом) и указание на виктимность Польши выступают как универсальное легитимирующее основание.

В исследовательской литературе, посвященной русско-польским отношениям этого периода, часты рассуждения о непонимании в России мотивов, которыми руководствовались поляки, или указания на спектр эмоциональных реакций, которые предписывалось испытывать русским, – чувство вины и стыда за разделы Польши, восхищение храбростью польских войск, преклонение перед культурой страны и личностными качествами ее жителей, сочувствие к сосланным в Россию³⁷. Кроме того, академическая литература в России, находясь в сложных отношениях с советским интеллектуальным наследием, зачастую анализирует тот или иной материал в границах рассуждений о виктимизации или виктимности, с одной стороны, и братстве народов, с другой.

В целом в этом сегменте исследований анализ произошедших событий с позиции Польши изложен исключительно хорошо. Российский же взгляд на ту или иную ситуацию, напротив, в академических работах практически не представлен³⁸.

С учетом выбранной исследовательской оптики в книге используются наименования, имевшие хождение на территории Российской империи (например, «Царство Польское»), а не

³⁴ См. об этом: *Rosner A.* Своя или не своя держава? Обладало ли Королевство Польское реальной независимостью // *Родина*. 1994. № 12. С. 47–49 (особенно с. 48).

³⁵ См., например: *Nance A. B.* Literary and cultural images of a nation without a state. The case of 19th century Poland. New York: Peter Lang, 2008. P. 101–105.

³⁶ М. Клинге, например, указывает, что созыв сейма в Порвоо (Борго) «превратил» Финляндию в «особое государство», а «новая финляндская государственность» основывалась на соглашениях с Россией и Швецией и «соответствующих заверениях, данных Александром I...сословиям» (*Клинге М.* Императорская Финляндия. СПб.: Коло, 2005).

³⁷ См., например: *Фалькович С. М.* Концепции славянского единства в польской и русской общественной мысли (Эпоха польских национально-освободительных восстаний) // *Славянский вопрос: Вехи истории*. М., 1997. С. 108; *Она же.* Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 509; *Лунатов А. В.* Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм в восприятии культуры западного соседа (Государство и гражданское общество) // *Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*. М.: Индрик, 2002. С. 134–155.

³⁸ Исключения составляют работы Н. М. Филатовой о русско-польском сближении и О. С. Каштановой о великом князе Константине Павловиче и его жизни в Польше, предлагающие взгляд на историю русско-польских отношений этого периода с позиции обеих сторон.

«Королевство Польское»). В ряде случаев само существование двойной номенклатуры становится предметом рассмотрения (см. параграф 6.2).

Даты событий, происходивших на территории Польши, приведены по юлианскому и григорианскому календарям. Во всех цитатах выделение курсивом принадлежит мне.

Часть I. Коронация

Глава I

«Я... буду соблюдать конституционную хартию» Польский вопрос в начале царствования Николая I

1.1. Страх

Николай I провозгласил себя российским императором после нескольких недель тяжелейшего противостояния с великим князем Константином Павловичем. Датированный 12 декабря 1825 г. манифест о вступлении на «Прародительский Престол Всероссийской Империи и на нераздельные с Ним Престолы Царства Польского и Великого княжества Финляндского» долго и подробно – и тем менее убедительно – объяснял подданным ситуацию, ссылаясь на документы, подписанные покойным Александром I и отрекшимся от власти великим князем Константином. Манифест призывал к присяге и сообщал, что время вступления на престол должно исчисляться от 19 ноября³⁹. Политическая ситуация, в которой находился Николай, однако, была далека от той, какой она была в ноябре, и для ее стабилизации одним документом обойтись было сложно.

На следующий день после обнародования российского манифеста молодой император издал еще один манифест, адресатом которого на сей раз стали жители Царства Польского:

Мы Божьей Милостию Николай I, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский и проч. и проч... повелеваем всем и каждому, кого это касается:

В соответствии со Ст. 1 и Ст. 5 Конституционной хартии, согласно коим Царство Польское навсегда присоединено в Российской империи мы объявляем, что Манифест, объявленный нашим подданным 12 (24) декабря распространяется в равной степени на Царство Польское. Мы повелеваем посему, чтобы с сим Манифестом в царстве ознакомлены были и выполнили все предписания в нем содержащиеся относительно восшествия на престол и чтобы принесена была присяга на верность подданства.

Поляки, мы уже заявили свое неколебимое желание продолжить в своем правлении путь, избранный светлой памяти императором и царем Александром I, и мы объявляем через сие, что все институты вам от него данные будут сохранены. *Через сие я обещаюсь и клянусь перед Богом, что буду соблюдать Конституционную хартию и приложу все свои усилия для ее сбережения.*

Дано в Санкт-Петербурге 13 (25) день месяца декабря 1825 лета от Рождества Христова, царствования же Нашего с первое⁴⁰.

³⁹ ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 1. С. 3.

⁴⁰ Archiwum Głównie Akt Dawnych (далее – AGAD). F. 210. № 20. К. 15; *Огинский М.* Мемуары Михала Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Минск: Четыре четверти, 2015. Т. 2 (Приложения). С. 426. Оригинал на французском языке: *Oginski M.* Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815 / Éd. par L. Chodźko. Paris: Ponthieu; Genève: Barbezat et Delarue, 1827. Vol. 1. P. 315–316.

Сейчас нам сложно представить, что этот документ, слово в слово повторяющий формулировки Польской хартии 1815 г., предписывавшей наследникам Александра I приносить клятву конституции⁴¹, был подписан Николаем I – человеком, которого принято считать консерватором и поборником охранительной политики. Нам, впрочем, несложно вообразить, что в состоянии страха человек способен на действия, о которых он не смог бы помыслить при других обстоятельствах. Этот поразительный манифест «императора и царя» был одобрен, когда до восстания на Сенатской площади оставались считанные часы. Николай знал, что его царствование может оборваться не начавшись. Его жизни угрожала прямая опасность: эпоха дворцовых переворотов не была забыта, внезапная смерть Александра I вызвала множество слухов и домыслов, трактовавших смерть императора как подозрительную, связанную с отстранением от власти и убийством. Обществу было сложно принять тот факт, что следующий в ряду на престолонаследие великий князь Константин, которому уже была принесена присяга, внезапно отказался от власти. Молодой император мог ожидать появления лозунга «Константин и Конституция» не только на улицах Петербурга, но и в столице Царства Польского. Возможность подобного развития событий существовала: в Варшаве представители генералитета активно обсуждали вопрос возведения великого князя Константина Павловича на престол вопреки его собственной воле⁴².

Николай, вероятно, опасался, что Константин Павлович, который, бесспорно, вел свою игру в период междуцарствия, мог провозгласить себя польским королем. Возможность такого развития событий не исключает О. С. Каштанова, полагая, что, отказавшись от российского престола, цесаревич рассматривал для себя возможность получения польской короны⁴³. Отсюда и настойчивое стремление Николая I повторять – в манифесте о восшествии на престол, а потом и в отдельном манифесте, адресованном полякам, – что он является императором Всероссийским, а равно и царем Польским. Эти формулировки закрывали Константину возможность маневра. Чтобы обеспечить безопасность империи на западных границах и нейтрализовать цесаревича, молодой император готов был поклясться на верность той самой конституции, о которой кричали восставшие под окнами его дворца.

Важно отметить, что николаевский манифест, обращенный к Царству Польскому, в России практически неизвестен. Это вполне объяснимо – ведь документ не вошел в Полное собрание законов Российской империи⁴⁴. Документ был отброшен как «местное установление», представлять которое в основном собрании нет необходимости. В реальности речь, конечно, шла о цензурировании: императорский манифест с клятвой конституции едва ли мог расцениваться как несущественный с точки зрения его содержания. К тому же более ранние установления, касающиеся польских территорий, в «Полном собрании законов» были отражены вполне подробно⁴⁵. Очевидно, Николаю было больно вспоминать свой страх и клятву, принесенную польской конституции.

⁴¹ Конституционная хартия Царства Польского. С. 530.

⁴² Об этих планах и историографии вопроса см.: *Каштанова О. С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 128–130.

⁴³ Проанализировав тексты М. С. Лунина и Д. И. Завалишина, исследовательница пришла к выводу, что даже после отречения Константина генералитет Литовского корпуса и несколько приближенных великого князя предполагали, вопреки решениям цесаревича, организовать в полках присягу, возведя таким образом Константина на престол (*Каштанова О. С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 129). В этом отношении О. Каштанова оспаривает позицию С. Б. Окуня, который полагал, что после 14 декабря 1825 г. объявление Константина Павловича королем Польши сделалось невозможным (*Окунь С. Б.* Декабрист М. С. Лунин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 85).

⁴⁴ Текст манифеста был опубликован в Париже в 1827 г. как приложение к изданию мемуаров М. Огинского. Он появился на русском языке в 2015 г., но остался совершенно незамеченным в академической литературе (*Огинский М.* Мемуары Михала Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2. С. 426).

⁴⁵ В «Полном собрании законов Российской империи» были, в частности, включены екатерининские документы, связанные с разделами Речи Посполитой, – указы назначенному белорусским генерал-губернатором З. Г. Чернышеву, а также рас-

Вместе с тем в западных землях империи манифест был хорошо известен. Достаточно сказать, что он в буквальном смысле слова не остался без ответа. Реакцией на обращение стал направленный на имя императора адрес Сената Царства Польского от 5 (17) января 1826 г., подписанный его председателем Станиславом Замойским. Обращаясь к Николаю I, граф писал: «...незабываемые слова Ваши, которыми Вы нас уверили в поддержке всех установлений Вашего великого предшественника, проникли в сердца всех поляков, погасили чувство отчаяния, оставив лишь чувства любви и признательности». В адресе упоминался «великий гений» и «возродитель» польской нации Александр I⁴⁶, именно ему, как утверждалось в документе, сенаторы хотели бы установить монумент в Варшаве. Замойский выражал надежду, что Николай сможет утвердить проект мемориала на ближайшем сейме⁴⁷. Иными словами, польский Сенат подтверждал, что клятва императора была услышана. При этом, хотя и в вежливо-завуалированной форме, монарху предлагалось сделать следующий шаг – созвать сейм. В своем ответе сенаторам, последовавшем через месяц, Николай I согласился на предлагаемые условия: разрешив согласовать проект монумента Александру I и вынести его на обсуждение на ближайшем сейме, император фактически обещал скорый созыв представительства⁴⁸.

В Польше общественная реакция на публикацию манифеста 13 (25) декабря была позитивной. Великий князь Константин Павлович в переписке с Ф. П. Опочининым в феврале 1826 г. характеризовал ситуацию следующим образом: «Император, при восшествии своем на престол, обещал манифестом, данным этой стране, следовать по стопам покойного императора, и привел этим всех в восторг»⁴⁹. Манифест вспоминали и перед варшавской коронацией 1829 г. Так, автор одного из стихотворений, изданных по этому случаю, восхваляя императора Николая, отмечал «святое обещание продолжать дело своего предшественника», данное, когда «воскреситель родины» Александр I скончался в Таганроге. Это обещание, как пишет автор, подпоручик польской армии, заставило «север (имеется в виду Польша. – *Прим. авт.*) воссиять»⁵⁰. Знали о манифесте и за границей – его оригинал на французском языке был опубликован в Париже в 1827 г. как приложение к мемуарам Михаила Огинского⁵¹. Отголоски произошедшего долетали и до российского общества. По крайней мере, в отдельных документах можно обнаружить рассуждения, что власть российского императора в Польше ограничена «конституцией, которой он (Николай I. – *Прим. авт.*) присягал»⁵².

Восстание в Петербурге было подавлено, но ощущение безопасности у Николая, видимо, не возникло – необходимость договориться с Константином Павловичем и убедиться в спокойствии на новых западных границах империи все еще была актуальна. Вероятно, именно поэтому спустя всего несколько месяцев после восшествия на престол, уже находясь в процессе активной подготовки к коронации в Москве, Николай I сам написал великому князю о необходимости подготовить коронацию в Царстве Польском. 24 мая 1826 г., то есть ровно за три

поряжения, адресованные М. В. Каховскому и М. Н. Кречетникову, могилевскому и псковскому губернаторам соответственно (ПСЗ. Собрание 1. Т. 19. № 13807, 13808, 13850).

⁴⁶ Сенаторы описывали поляков как нацию, которую «долгая немилость божья стерла из списка наций» и которая получила «новое существование лишь благодаря неустанной воле» императора Александра I (*Огинский М.* Мемуары Михала Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2. С. 426–428).

⁴⁷ *Огинский М.* Мемуары Михала Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2. С. 426–428. Оригинальный текст на фр. яз. см.: *Oginski M.* Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Vol. 1. P. 317–319.

⁴⁸ *Огинский М.* Мемуары Михала Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2. С. 428–430. Оригинальный текст на фр. яз. см.: *Oginski M.* Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Vol. 1. P. 320–322.

⁴⁹ *Шильдер Н.* Император Николай I и Польша. 1825–1831 гг. Вып. 2. С. 285.

⁵⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 363 (b) об.

⁵¹ *Oginski M.* Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Vol. 1. P. 315–316.

⁵² [*Грибовский А. М.*] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой. С. 112.

года до коронации, цесаревич откликнулся на это предложение письмом из Варшавы. Константин не продемонстрировал какого-то особенного энтузиазма: он писал, что знает о том, что коронация предписана Конституцией, но не может сказать ничего определенного, поскольку прецедентов подобного рода не было. Ссылаясь на свою неосведомленность в подобного рода вопросах, он уведомлял Николая, что посоветуется обо всем с Н. Н. Новосильцевым⁵³. Дискуссия о коронации началась.

Похоже, что весной 1826 г. Николай I действительно начал серьезно думать о коронации в Варшаве. Об этом можно судить по тем действиям, которые император предпринял во время организации похорон Александра I, останки которого были доставлены в Петербург из Таганрога.

Гроб с телом покойного монарха, который несколько месяцев «путешествовал» по России, проехав Харьков и Курск, Орел и Тулу, Москву и Новгород, был торжественно ввезен в столицу 6 марта, а неделю спустя, 13 марта, состоялись поразившие воображение современников похороны. За богато декорированной колесницей с гробом Александра I от Московской заставы до Казанского собора, где был устроен катафалк⁵⁴, а затем, неделю спустя, от Казанского собора до Петропавловского, где монарх нашел упокое, шли молодой император Николай I, представители монаршей фамилии и двор. Здесь же шествовали члены Сената и Синода, Государственного совета, генералы и офицеры, чиновники и учителя, купцы и ямщики – одним словом, вся столица огромной Российской империи⁵⁵. Дома вдоль основного движения шествия были убраны траурными лентами и фестонами, о событии писали все газеты, о нем сообщали на улицах разъезжавшие по городу герольды, а доступ на устроенные для наблюдения «места и помостки... при всех заборах, решетках и в обоих ярусах гостиного двора» можно было получить, заплатив баснословную сумму 100 руб.⁵⁶

Шествие было «закутано» в бесчисленные флаги и знамена, составлявшие вместе визуализированный императорский титул. Здесь были гербы более 40 земель – от Ярославля и Рязани до Казани и Астрахани, от Нижнего Новгорода и Перми до Курляндии и Кабарды⁵⁷. В шествии прошли грузинские цари и царевичи, карабахский хан и калмыцкие князья⁵⁸, а также чины Российско-Американской компании, представлявшие интересы империи на Аляске. Колесницу императора сопровождало православное духовенство, а священники евангелической и армянской церквей, выйдя из дверей храмов на Невский проспект, «при приближении процессии в безмолвии, подобающем для благодарения и благоговения, кадили августейшему усопшему»⁵⁹. Любопытно наблюдать за петербургским действом должен быть увидеть: империя покойного Александра разнообразна и обширна, а ее границы простираются за пределы Евразийского континента.

И все же земли российской императорской короны были выстроены в абсолютно зримую иерархию, в рамках которой приобретенное Царство Польское оказывалось исключительно значимым. Документы Печальной комиссии, занимавшейся похоронами Александра, демонстрируют, что вопрос о том, как подчеркнуть особое положение Польши (в ряде слу-

⁵³ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 75.

⁵⁴ Торжественное ввозение в Царское Село и в столицу, и погребение тела в Бозе почивающего императора Александра Павловича // Отечественные записки. 1826. № 25. С. 543–544.

⁵⁵ Торжественное ввозение в Царское Село и в столицу, и погребение тела в Бозе почивающего императора Александра Павловича. С. 525–528.

⁵⁶ Там же; *Миролюбова Г. А.* Последний путь // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...» Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. С. 177; *Cortège funèbre de feu Sa Majesté l'Empereur Alexandre.* Saint-Petersbourg: [s. n.], 1826.

⁵⁷ *Cortège funèbre de feu Sa Majesté l'Empereur Alexandre.* P. 1–4.

⁵⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 265–270.

⁵⁹ *Миролюбова Г. А.* Последний путь. С. 17.

чаев Польши и Финляндии⁶⁰) в составе Российской империи, стал едва ли не самым важным. Здесь возникало множество идей. Так, Печальная комиссия, которую официально возглавил князь А. Б. Куракин, предлагала Николаю I пригласить в Петербург делегации от Царства Польского и Великого княжества Финляндского. При этом в документе отдельно проговаривалось, что «к похоронам в Бозе почивших царствующих лиц Депутаций из губерний не назначается». Мотивацией к тому, чтобы «вытребовать» в столицу депутатов от Польши и Финляндии, был назван тот факт, что речь шла о «царстве» и «великом княжестве» соответственно⁶¹. Едва ли, однако, это являлось настоящей причиной: Грузия, также именовавшаяся царством, в докладной записке не фигурировала – речь шла об особости именно западных территорий. Не менее энергично императору предлагали обдумать приглашение министра-секретаря Царства Польского и статс-секретаря Великого княжества Финляндского⁶², при этом представителям Польши и Финляндии надлежало шествовать вместе с чиновниками Собственной Канцелярии Его Императорского Величества, Канцелярии Государственного Совета и Канцелярии Комитета Министров⁶³. Предложение относительно делегаций из Польши и Финляндии было императором отвергнуто, в то время как идея вызова в Петербург польского министра и финляндского статс-секретаря, напротив, была принята благосклонно⁶⁴. Статус Царства Польского в составе империи был подчеркнут и во время шествия орденов и регалий. Польские ордена Св. Святослава и Белого Орла были включены в петербургское шествие как «польские российские ордена»⁶⁵, то есть были маркированы как особая статусная категория российских орденов.

Интересно, что при этом император Николай отказался использовать в петербургской церемонии прощания с Александром I так называемую «польскую корону» – похоронную корону Станислава Августа Понятовского, польского короля, который отрекся от престола в 1795 г., переехал в Петербург и скончался там годом позднее. Пышные похороны Станислава Августа в Петербурге не были забыты⁶⁶, и петербургская Печальная комиссия обратилась к Николаю с вопросом: «... в Мастерской Оружейной палате находится корона серебряная, вызолоченная сделанная к погребению Польского короля Станислава. Не соизволите ли, Всемилостивейший государь, чтобы в настоящей процессии корона сия употреблена была»⁶⁷. Молодому императору эта идея радикально не понравилась, и он постановил не включать корону в список регалий шествия⁶⁸. Вероятно, Николай полагал, что включение в церемонию короны монарха, прямо ассоциирующегося с разделами Польши конца XVIII в., отрекшегося и скончавшегося в России, может, пусть и косвенно, обидеть поляков, которых он так активно призывал к лояльности и конституции которых присягнул всего две недели назад.

Однако самым показательным в отношении интерпретации значения Польши в иерархии территорий Российской империи может стать надгробная надпись на могиле Александра I. Согласно материалам Печальной комиссии, 24 декабря 1825 г. император Николай I утвердил ее в следующем варианте:

*Александр I
Император и Самодержец Всероссийский
Царь Польский и Великий князь Финляндский*

⁶⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 8. Л. 279–280.

⁶¹ Там же. Д. 5. Л. 21.

⁶² Там же. Л. 77.

⁶³ Там же. Л. 77–78.

⁶⁴ Cortège funèbre de feu Sa Majesté l'Empereur Alexandre. P. 15; Kurjer Warszawski. 1826. № 75. S. 297.

⁶⁵ Торжественное ввезение в Царское Село и в столицу, и погребение тела в Бозе почивающего императора Александра Павловича. С. 533–538.

⁶⁶ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 12. Оп. 1. Д. 249. Л. 1–13.

⁶⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 32 об. – 33.

⁶⁸ Там же. Л. 32 об.

*и прочая и прочая и прочая*⁶⁹

Слова, высеченные на могиле покойного императора, были свидетельством его императорского достоинства и прямо указывали на главные регионы в составе Российской государства. Оптика политического, помимо указания собственно на империю, была смещена в сторону Запада, а именно европейских территорий, вошедших в состав страны при Александре I. Все остальные земли, находившиеся теперь под властью его брата Николая I, были компактно уложены в формулу «и прочая и прочая и прочая».

Отметим, что триада Россия – Польша – Финляндия была прямо заимствована из александровского документа об отречении Константина, который был опубликован Николаем вместе с манифестом о восшествии на престол. В этом тексте покойный император провозглашал: «...мы остаемся в спокойном уповании, что в день, когда Царь Царствующих по общему для земнородных закону воззовет Нас от сего временного Царства в вечность, Государственные сословия, которым настоящая непреложная воля Наша и сие законное постановление Наше, в надлежащее время, по распоряжению Нашему должно быть известно, немедленно принесут верноподданническую преданность свою Назначенному Нами Наследственному Императору *единого нераздельного Престола Всероссийской Империи, Царства Польского и Княжества Финляндского*»⁷⁰. Формулировка, объединяющая «престолы» Российской империи, Польши и Финляндии, еще несколько месяцев активно циркулировала в корреспонденции чиновников и военных⁷¹.

Спустя несколько дней после того, как тело Александра I нашло упокоение в Петропавловском соборе Петербурга, в Варшаве – столице Царства Польского – было проведено особое поминовение, так называемые символические похороны Александра I⁷². Грандиозные по размаху мероприятия в Царстве Польском были одновременно и похожи, и не похожи на поминовения Александра в регионах и столице Российской империи; они продлились более двух недель (26 марта (7 апреля) – 11 (23) апреля 1826 г.) и завершились огромным шествием, которое было выстроено вокруг пустого гроба, водруженного на катафалк.

В Варшаве готовиться к церемонии поминовения Александра I начали еще до окончания действия в Петербурге. Константин Павлович, не приехавший, вопреки ожиданиям, проститься с братом в Северную столицу⁷³, пристально следил за перемещением печального кортежа по России и событиями в Петербурге⁷⁴. «Варшавский курьер», главная газета Царства Польского, описывала перемещение останков монарха из Таганрога в Петербург, рассказывая своим читателям о состоявшихся в губернских и уездных городах шествиях и столичных похоронах Александра⁷⁵.

Проект церемонии символических похорон в Варшаве был подготовлен в Царстве Польском, здесь же были выполнены все королевские инсигнии⁷⁶. Из Петербурга, однако, были

⁶⁹ Там же. Л. 34. К этой надписи была также добавлена информация о дате и месте рождения, смерти и погребения монарха, а также дата его вступления на престол.

⁷⁰ ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 1. С. 5.

⁷¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 25. Оп. 161а/2. Д. 857. Л. 3, 56.

⁷² Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Nayaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszzech Rossyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczyste odbytego, Warszawa: nakł. i drukiem N. Glücksberga, 1829; Kurjer Warszawski. 1826. № 63. S. 254; № 83. S. 337–338; Вестник Европы. 1826. № 8. Т. 147. С. 306–310.

⁷³ Для великого князя Константина и его жены были приготовлены траурная одежда и экипаж (*Миролюбова Г. А.* Последний путь. С. 169, 171).

⁷⁴ Генерал В. Орлов-Денисов писал Константину Павловичу в Варшаву пространные письма с донесениями о том, что происходило во время каждой из остановок, и пересылал печатные церемониалы и литографии (РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 30–95).

⁷⁵ Kurjer Warszawski. 1826. № 5. S. 1–2; № 15. S. 1–2; № 59. S. 1; № 77. S. 1.

⁷⁶ *Краевский А.* Польские короны Московского Кремля. С. 64; *Коварская С. Я.* Погребальные церемониалы и регалии при Российском императорском дворе первой половины XIX в. // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой

доставлены императорские ордена: в день похорон Александра I в столице Российской империи сразу по окончании печальной церемонии канцлер российских орденов князь Куракин отослал в Варшаву «все ордена как российские так и иностранные, коих покойный государь император изволил быть кавалером»⁷⁷.

Для поминания Александра I в зале ассамблей Варшавского замка была устроена «печальная зала» (*castrum doloris*)⁷⁸. Здесь был сооружен помост, на котором установили символический гроб Александра I. Вокруг него были размещены военные мундиры и ордена императора, здесь же были выставлены корона, скипетр, держава и меч⁷⁹. На гроб, покрытый порфирой, был установлен бюст монарха в римской тоге и с лавровым венком на голове⁸⁰. Пока пустой гроб находился в замке, по городу распространяли копии молитвы о польском короле Александре I⁸¹.

Кульминацией символических похорон, как уже было сказано, стало шествие 27 марта (8 апреля) 1826 г. от Краковского предместья до собора Св. Яна⁸². Как и в Петербурге, под звук печальных маршей и артиллерийские залпы за пустым гробом императора Александра I шел весь город. Процессия вполне традиционно была «обрамлена» шествием войск и разделена на несколько уровней, каждый из которых был определенным образом осмыслен и семиотически оформлен. Основу процессии составляло шествие представителей целого ряда социальных групп и институций – горожан, духовенства, представителей образовательных учреждений, депутатов от воеводств, членов Сената и Административного совета. Перед катафалком с гробом, на котором стоял бюст покойного императора, несли регалии власти – ордена, меч, державу, скипетр и корону. За гробом вели лошадь «с седлом покойного Его Величества», за которой ехал цесаревич Константин, сопровождаемый генералитетом и штаб-офицерами⁸³.

Власть Александра в католической Польше была столь же сакральна, как в Таганроге, Новгороде, Москве или Петербурге. Неудивительно поэтому, что значительную часть шествия в Варшаве составляли священники – несколько «отделений» представителей католических монашеских орденов (капуцины, бернардинцы, францисканцы, кармелиты, августинцы, доминиканцы), семинаристы, а также пять епископов и, наконец, примас, глава католической церкви в Царстве Польском⁸⁴. Каждый раз, когда катафалк достигал какого-либо костела, процессия останавливалась для раздачи милостыни: камергер и два офицера заходили в церковь, обращаясь к собравшимся внутри духовным лицам, произносили краткую речь и отдавали милостыню. Судя по сохранившимся визуальным источникам, участники шествия также заходили с милостыней в синагогу⁸⁵.

По окончании шествия в соборе Св. Яна прошла поминальная служба, которую провел примас. Он же произнес речь, главной темой которой стало воскрешение Польши под ски-

половины XIX в.: Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. М., 2009. С. 72.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 156.

⁷⁸ Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszzech Rosyyi Królu Polskim w Warszawie. Appendix.

⁷⁹ Краевский А. Польские короны Московского Кремля. С. 64.

⁸⁰ Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszzech Rosyyi Królu Polskim w Warszawie. Appendix.

⁸¹ AGAD. F. 190. № 92. K. 180–191.

⁸² Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszzech Rosyyi Królu Polskim w Warszawie. S. I–XXXIV; AGAD. F. 197. № 675. K. 3–4. В последний момент из-за непогоды церемония была перенесена с 7 на 8 апреля (Kurjer Warszawski. 1826. № 82. S. 333; № 83. S. 337–338).

⁸³ РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 154–154 об.; Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszzech Rosyyi Królu Polskim w Warszawie. P. I–XXXIV; AGAD. F. 197. № 675. K. 66–111; Kurjer Warszawski. 1826. № 82. S. 1; № 83. S. 1; № 84. S. 1; № 86. S. 1; № 87. S. 1; № 88. S. 1; № 89. S. 1.

⁸⁴ Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszzech Rosyyi Królu Polskim w Warszawie. S. VIII–IX.

⁸⁵ Ibid. Appendix.

петром Александра I и благодарность подданных своему монарху. Воронич говорил о нации, которая пребывала в упадке столетие, но благодаря спасительным действиям Александра вновь обрела родину, мир, спокойствие и свободу⁸⁶.

При этом в церемонии не было и намек на православный контекст: православная церковь Варшавского замка и церковь на Подвальной улице, о которых речь пойдет далее, в церемонии поминовения Александра I задействованы не были. Равным образом русский сегмент церемонии был отделен от польского. Так, распространявшиеся по городу печатные копии молитвы за покойного монарха были изданы на польском, французском и иврите, тогда как печатная молитва на русском языке опубликована не была⁸⁷. Фактически единственным официальным документом символических похорон Александра I в Варшаве на русском языке стал приказ от 18 (30) марта по Варшавскому гарнизону об участии в символической процессии «по вечно-достойной и блаженной памяти в Бозе почивающего Государя императора Александра Павловича»⁸⁸. Иными словами, существование русского пространства в Царстве Польском если и признавалось, то исключительно в связи с дискурсом войны.

Русские полки не принимали участия в шествии, хотя и были построены на одной из улиц по ходу движения процессии⁸⁹. В отличие от польских мундиров императора, которые выносили на подушках вместе с регалиями, мундиры полков русской армии, принадлежавшие Александру, оставались внутри строя соответствующих полков, то есть были скрыты от глаз. Приказ по Варшавскому гарнизону прямо регламентировал этот аспект: «Российские мундиры остаются на середине своих полков и в процессию не входят»⁹⁰. После прохождения шествия мимо русских полков была проведена панихида⁹¹. Устройство церемонии и место в ней солдат и офицеров русской армии особенно хорошо видны на одной из иллюстраций к описанию символических похорон императора Александра I. Здесь в центре мы обнаруживаем колесницу с гробом императора, а также стоящую отдельно группу офицеров и православных священников. Художник изображает группу русских не как простых зрителей, но одновременно и не как часть процессии⁹².

Символическое оформление церемонии соотносилось с Российской империей также весьма условно. Как уже упоминалось, в шествие были включены российские ордена Александра I, доставленные из Петербурга⁹³, а на катафалке монарха был помещен герб Царства Польского, представлявший собой изображение российского двуглавого орла с польским Белым Орлом на груди⁹⁴. Примас Воронич в своей речи в соборе Св. Яна и авторы многочисленных сочинений, изданных к символическим похоронам, упоминали, что польский король Александр обладал также и ипостасью российского императора⁹⁵, однако гербы, декориро-

⁸⁶ *Woronicz J. P.* Mowa przy obrzędzie żałoby narodowój po wiekopomnéj pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rossy Alexandrze I, królu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. [Warszawa, 1826.] S. 1–16.

⁸⁷ AGAD. F. 190. № 92. K. 180–191.

⁸⁸ РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 154–154 об.

⁸⁹ Там же. Л. 154.

⁹⁰ Там же. Л. 154 об.

⁹¹ Там же.

⁹² Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Nayiaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie. Appendix.

⁹³ РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 156. Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Nayiaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie. S. XVIII–XIX; AGAD. F. 197. № 675. K. 3–4.

⁹⁴ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (далее – ОР РНБ). Ф. 1001. Оп. 1. Д. 287. Л. 78; Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Nayiaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie. Appendix.

⁹⁵ *Woronicz J. P.* Mowa przy obrzędzie żałoby narodowój po wiekopomnéj pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rossy Alexandrze I; *Meyzner J.* Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rossyi Krola Polskiego; Westchnienia czulego Polaka w dniu 13 czerwca roku 1826 jako rocznicę oglądania po raz ostatni wieczny pamięci nayiaśniejszego Aleksandra Igo, cesarza wszech Rossyi, wskrzesiciela i króla Polski. Warszawa, 1826; *Jaskólski F.* Wiersz na zgon wieczny pamięci najjaśniejszego Aleksandra Igo cesarza wszech Rossyi, króla polskiego etc. etc. etc. Warszawa, 1826. Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci

вавшие костел Св. Яна или размещенные на флагах, которые несли за гробом Александра I, имели целью репрезентировать исключительно воеводства Царства Польского. Корона, которую выносили за гробом, апеллировала к образу исторической польской короны⁹⁶.

Поляки хоронили своего короля, и это было для них самым главным. Тот факт, что их король являлся одновременно российским императором, был признан, но удивительным образом к Российской империи это не имело почти никакого отношения. Будучи королем польской земли, территории обширной, разнообразной и величественной, он был одновременно императором в России, которая являла собой, если смотреть на обряд похорон в Варшаве, одно сплошное белое пятно. Иными словами, территория, входившая в состав Российской империи на правах автономии, не считала необходимым осмыслять или даже просто отмечать это обстоятельство. При этом, как ни удивительно, из Петербурга или хотя бы из варшавской резиденции великого князя Константина Павловича не поступало предписаний, прямых или косвенных, «заметить» огромную территорию к востоку от границы Царства Польского.

Император Николай I не предполагал, по крайней мере первоначально, чем обернется его разрешение на организацию поминания Александра I в Варшаве. Это было первое, но далеко не последнее в истории взаимоотношений императора с поляками несоответствие видения ситуации и ее воплощения в реальности. Судя по переписке с великим князем Константином Павловичем, император представлял церемонию значительно более локальной, выстроенной вокруг мундиров покойного монарха, отправленных в Варшаву⁹⁷. Николай I считал, что по прибытии мундиры надлежало «расположить на налое, затем пропеть панихиду, после чего отдать честь и отнести, так же, как мы относили флаги, в церковь или в другое место, где должен храниться мундир»⁹⁸.

Во время подготовки к символическим похоронам Константин Павлович представил Николаю I проект варшавской церемонии, который наверняка поразил монарха, ведь поляки выражали любовь Александру, но не Российской империи. Мы не знаем, какое впечатление произвел на императора этот документ: монарх откомментировал лишь то, что позволило ему оставаться в своей зоне комфорта, – «изволил благодарить» Константина и высоко отозвался о выучке польских войск. Никаких содержательных замечаний сделано не было⁹⁹. Сложно сказать, увидел ли Николай в тот момент, что на западном пограничье его империи в отношении самоописания и понимания статуса Польши существует иная система координат, сформировался нарратив, не совпадающий с официальным имперским. В любом случае российский император счел за благо не противоречить Константину и не вмешиваться в «польские дела».

Черета похоронных и мемориальных мероприятий была завершена к концу апреля 1826 г., когда Николай смог наконец погрузиться в подготовку самого главного действия его правления – коронации в Москве. Как именно была в нем представлена Польша, учитывая, что идея проведения коронации в Варшаве уже появилась в частной переписке двух братьев?

По мнению Р. Уортмана, в XIX столетии (с коронации Николая I в 1826 г.) Россия представила новый образ государства – национальной империи, которая зиждется на разделении на господствующую нацию (русских) и подвластные народы¹⁰⁰. Действительно, «Историческое описание Священнейшего Коронования и Миропомазания их Императорских Величеств»

Najiaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie. S. XIII–XVI.

⁹⁶ Ibid. S. XIII–XVI.

⁹⁷ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 11, 45, 63, 67, 73, 77.

⁹⁸ Там же. С. 16.

⁹⁹ РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 144–144 об.

¹⁰⁰ Уортман Р. Символы империи: экзотические народы в церемонии коронации российских императоров // Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семенова. Казань: Центр исследования национализма и империй, 2004. С. 409–426.

фиксирует участие многочисленных делегаций – киргизы, черкесы, кабардинцы, грузины, армяне, калмыки «в их воинственных нарядах с их выразительными, характеристическими лицами», здесь же упоминаются атаманы войска Донского¹⁰¹. Польских делегаций в этом списке мы, однако, обнаружить не сможем¹⁰².

Отсылки к Польше не фигурировали и в оформлении коронации. Так, известно, что плафон балдахина, установленного над главным монаршим тронном в Успенском соборе, был украшен гербом Российской империи, а также гербами титульных земель. Выборка последних, очевидно, была осуществлена исходя из традиционных представлений о подвластной российским монархам территории. Здесь появились гербы Киева, Владимира, Новгорода, Казани, Астрахани, Сибири и Тавриды. Герб Царства Польского представлен не был¹⁰³. В целом во время подготовки московской коронации Николая можно отметить стремление Коронационной комиссии обращаться к польским сюжетам как можно меньше.

Тот факт, что польский элемент оказался здесь отделенным от российского, едва ли объясняется исключительно николаевским планом осуществить вторую коронацию в Варшаве и установкой на то, что обращение к символике, связанной с Польшей, будет излишним. Скорее в основе подобных решений лежала прагматика – Москва помнила польские легионы Юзефа Понятовского на Бородино, пожар и разграбление города после его сдачи в 1812 г.

Коронация Николая I в Москве в 1826 г. знаменовала окончание этапа особенно острой конкуренции между Николаем и его старшим братом. Константин Павлович, который периодически, особенно в приступе гнева, мог возвращаться к идее принять власть над Польшей, в действительности отказался от мысли возложить на себя польскую корону¹⁰⁴. Показательны в этом отношении воспоминания Дениса Давыдова, описавшего эмоциональную реакцию цесаревича на московское действие, знаменовавшее крах всех его надежд: «Прибыв в 1826 году в Москву для присутствия во время обряда коронования императора Николая, цесаревич был встречен сим последним на дворцовой лестнице; государь, став на колени пред братом, обнял его колени, что вынудило цесаревича сделать то же самое. Таким образом, свиделись оба царственные брата пред коронованием, по совершении которого цесаревич, выходя из собора, сказал Ф. П. Опочинину: „Теперь я ответ“»¹⁰⁵.

Однако, окончательно утратив возможность встать во главе империи, Константин с еще большей страстью, нежели прежде, обратился к идее стать голосом Польши, защищая и поддерживая интересы Царства перед братом и чиновным Петербургом. Он был готов привлекать для блага Польши новые, в том числе и символические ресурсы. По возвращении в Варшаву великий князь начал энергичный и уже достаточно предметный диалог с братом-императором о подготовке к коронации в Польше. Николай был готов к диалогу: его первоначальное решение приступить к разговору о коронации, объяснявшееся страхом и стремлением в сложный

¹⁰¹ Историческое описание Священнейшаго Коронования и Миропомазания их Императорских Величеств Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Федоровны // Отечественные записки. 1827. Ч. 31. С. 172, 371–373.

¹⁰² О послых, прибывших на коронацию, см.: Там же. С. 378.

¹⁰³ *Пятницкий П. П.* Сказание о венчании Русских царей и императоров. С. 51.

¹⁰⁴ *Капитанова О. С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 132.

¹⁰⁵ *Высочков Л. В.* Будни и праздники императорского двора. СПб.: Питер, 2012. С. 227. Е. П. Карнович сообщает о планах Николая принять корону от великого князя Константина: «Накануне коронации цесаревич Константин (находившийся в это время в Москве) узнал от генеральши Сорочинской, что в коронационном церемониале планируется, чтобы он возложил корону на Николая. Недовольный, по словам очевидца, этим сообщением, Константин Павлович имел объяснения с московским митрополитом Филаретом. Тот заверил цесаревича, что если ему не нравится данный пункт, то он будет заменен. В результате было решено, что Николай Павлович сам возложит на себя корону» (*Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович: Биографический очерк // Карнович Е. П. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1995. Т. 3. С. 522). Эта информация представляется хотя и любопытной, но едва ли достоверной – такое коронование никак не было связано с уже устоявшейся в России традицией.

момент приобрести устойчивость личной власти и лояльность территории, контролируемой братом-соперником, не было все же сугубо импульсивным.

1.2. «Любезный брат» Константин

Известный историк Николай Шильдер в своей биографии Николая I вполне справедливо отметил, что «при оценке событий, разыгравшихся в Варшаве до революции 1830 года, история должна принять во внимание особенное, исключительное положение, в которое судьба поставила императора Николая относительно своего старшего брата»¹⁰⁶. Действительно, первые несколько лет правления Константин был постоянной головной болью для Николая.

«Междоусарствие» (с присягой Константину, а затем переходом власти к Николаю), во время которого общество стало свидетелем сложных отношений в императорской семье, и последовавшие за ним события на Сенатской площади, так сильно напомиравшие по своей форме перевороты первого века империи, оставили массу вопросов, которые, в свою очередь, питали домыслы вокруг отречения великого князя Константина Павловича. При этом, как справедливо отмечается в историографии, вокруг Константина всегда существовал некий ореол монаршей власти. О. С. Каштанова, рассматривая личность великого князя, отмечает, что «Греческий проект» Екатерины II, предполагавший, что второй внук императрицы займет престол восстановленной Византии, имел «неожиданные последствия» – после него «современники стали представлять себе Константина не только греческим государем, но и возможным монархом вообще какого-нибудь иностранного государства»¹⁰⁷. Константин фигурировал как претендент на власть во множестве проектов – албанском, шведском, сербском, французском. Авторы подобных идей искали возможность привлечения как военных, так и политических ресурсов Российской империи¹⁰⁸. В этом ряду стоит упомянуть и условно польские проекты – предложение, сделанное Станиславом Августом Понятовским Екатерине II в первой половине 1790-х гг. об избрании великого князя Константина польским королем¹⁰⁹, и аналогичную идею Наполеона, высказанную Александру I в Тильзите в 1807 г.¹¹⁰ Если принять во внимание, что эти проекты времен Екатерины II и Александра I были достаточно хорошо известны обществу, мы получим более объемное понимание того, как современники видели великого князя.

Николай I уже находился на престоле, а к голове его старшего брата все продолжали примерять ту или иную корону, его профиль красовался на Константиновском рубле, его отречение воспевалось. Показательны сохранившиеся «Стихи на отказ его высочества цесаревича великого князя Константина Павловича от престола» В. А. Добровольского:

Внезапно дивный слух промчался
И всю вселенну удивил:
Монарх от царства отказался,
Престол брат брату уступил.

¹⁰⁶ Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 222.

¹⁰⁷ Каштанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 100. См. также: Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 2.

¹⁰⁸ Каштанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 57–101.

¹⁰⁹ Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 2.

¹¹⁰ Проект Наполеона был направлен на ослабление Пруссии (Каштанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 86; Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М.: Книга, 1990. С. 214).

Что Петр и что Екатерина?
Что их великие дела
Перед делами Константина?
Пускай о них гремит хвала.

Они пределы расширяли,
Обширность царства своего;
Они престолы доставали:
Он отказался от него!

Когда рожденье и порода,
России вверенный закон,
Преданность войск, любовь народа,
Все, все – ему давали трон.

Но, гласу дружества внимая,
Отверг величества титул,
На трон возвысил Николая,
Ему он первый присягнул.

В усердии царю поклялся,
Примером быть земли своей,
Он цесаревичем остался,
Но выше стал он всех царей.

Ему не нужны диадемы
И клятвы верности в словах;
Народом князь боготворимый,
Без клятв ты царствуешь в сердцах.

Тебе усердьё, вместо трона;
Сердца людей – тебе чертог;
Любовь народная – корона;
Тебе титул – наш полубог!¹¹¹

Посредственные стихи «по случаю» довольно точно отразили саму суть проблемы и найденное императором Николаем решение последней. «Полубог» с короной народной любви на голове (безотносительно характера и репутации Константина) представлял опасность, расша-

¹¹¹ Альбом С. Д. Полторацкого // Русская старина. Т. LVI. 1887. Вып. 10–12. С. 138. Этот же автор ранее написал «Песнь на проезд через Москву 30-го ноября 1825 года», также посвященную Константину Павловичу: «Что, россияне, так вы уныли? Где ваша слава – добрый ваш царь? С кем вы Европы мир утвердили? Ах! Он в могиле!.. тяжкий удар!!! Нет его; лейте слезы реками. Счастье с ним ваше в миг протекло! Но успокойтесь: Константин с вами, Нам его небо отцом нарекло. Мы поклянемся быть ему верны: Он Александру равен душой; С ним на сраженьях раны примерны, Брат Александра – царь и герой! (Там же. С. 137). Интересно, что образ Константина, который представил С. Д. Полторацкий, похож на прочтение фигуры великого князя в ряде других источников. Так, А. М. Грибовский записал в своем дневнике по случаю похорон Константина в 1831 г.: «Процессия при провозе гроба Константина Павловича... Процессия шла... в Петропавловскую церковь, где и положены будут его бранные останки вместе с коронованными особами, кажется, потому что он был уже признан императором. Таким образом кончил свой век этот чудак, который в молодости не знал границ своим желаниям, а после от царства отказался... я с сожалением смотрел на его похороны. Где девались гордость, кичливость, великия о себе думы, коими он равнял себя богам!» ([Грибовский А. М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой. С. 129).

тывая легитимность власти нового монарха. Нейтрализовать потенциальные проблемы надлежало при помощи нового нарратива «дружества», образа власти¹¹², в котором братьев – Константина и Николая – связывали теплые братские чувства и глубокое почитание памяти покойного Александра I. Апелляция к «братской любви» стала частью политического ритуала и одной из практик легитимации власти в первые годы царствования императора Николая.

Особые отношения между братьями постоянно подчеркивались. Неслучайно сцена объятий Николая и Константина после коронации 1826 г. в Успенском соборе Московского Кремля¹¹³ и описание шествия Николая по Соборной площади, «имея при особе своей двух ассистентов Цесаревича Константина Павловича и великого князя Михаила Павловича»¹¹⁴, стали ключевыми для формирования образа церемонии. Р. Уортман точно отметил, что «демонстрация привязанности была... использована, чтобы показать почтение цесаревича к младшему брату и развеять неопределенность отречения»¹¹⁵. Очевидно, что в ряде документов начала нового царствования Николай считал своим долгом отметить согласие Константина с принимаемыми установками. Так, в манифесте «О порядке наследия Всероссийского Престола и об опеке и правительстве в случае кончины Государя Императора до совершеннолетия наследника» (22 августа 1826 г.) регентом при наследнике в случае смерти Николая объявлялся великий князь Михаил¹¹⁶, но отдельно оговаривалось, что такое установление произведено «с предварительного одобрения любезного брата» Константина Павловича¹¹⁷.

Ситуация с передачей власти, впрочем, накладывалась на особенности характера и образа жизни каждого из братьев. Николаю было сложно выстраивать отношения с братом, который был старше его на 17 лет. Дочь Николая I, великая княжна Ольга Николаевна, объясняя суть отношений отца с великим князем, писала, что император относился «с уважением к тем двадцати годам, на которые он (Константин. – *Прим. авт.*) был старше»¹¹⁸. Показательно, что со старшим братом Николай I переписывался по-французски, а с младшим, Михаилом, более близким ему по возрасту и представлениям, – по-русски. При этом в переписке император любовно именовал младшего брата «любезный Михайло»¹¹⁹.

Существенную роль играла и та власть, которую сосредоточил в своих руках цесаревич в последние годы правления Александра I. Константин Павлович, как известно, постоянно жил в Варшаве со второй половины 1810-х гг. и был женат на польской аристократке. С 1815 г. он возглавлял польскую армию Александра I, а с 1817 г. командовал также Литовским корпусом, который формировался в западных – бывших польских – губерниях Российской империи. Будучи сторонником особого статуса Польши, он активно лоббировал интересы Царства уже в 1818–1819 гг.¹²⁰

¹¹² Р. Уортман справедливо назвал его «династическим сценарием» (*Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 336–388).

¹¹³ См.: *Vues des Cérémonies les plus intéressantes de Leurs Majestés Impériales l'Empereur Nicolas Ier et l'Impératrice Alexandra à Moscou.* Paris: Firman Didot, 1828. P. 5.

¹¹⁴ Историческое описание Священнейшаго Коронования и Миропомазания их Императорских Величеств Государя императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Федоровны. С. 181–182. В описании братья появлялись еще несколько раз (император «с... чувством стремился потом облобызать Венценосную Мать Свою и Августейших братьев Константина Павловича и Михаила Павловича») (Там же. С. 198–199).

¹¹⁵ *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 381.

¹¹⁶ ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 537. С. 889–890.

¹¹⁷ Там же. С. 889.

¹¹⁸ *Ольга Николаевна*, великая княжна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I: Муж, отец, император / Под ред. Д. Тевекелян. М.: Слово, 2000. С. 187.

¹¹⁹ РГИА. Ф. 706. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–17; Николай I. Письма великому князю Михаилу Павловичу. 31 мая 1828 – 5 мая 1843 гг. // Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 345–464.

¹²⁰ *Капитанова О. С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 113.

Стоит отметить, что в работах, посвященных этому периоду и фиксирующих взгляд из России, великого князя Константина часто именуют наместником в Царстве Польском¹²¹. С точки зрения формальных позиций такая трактовка неточна – официальным наместником российского императора в Царстве с 1815 г. был Юзеф Зайончек. После смерти последнего в 1826 г.¹²² должность оставалась вакантной до 1831 г., то есть вплоть до появления на этом посту после подавления Польского восстания генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича. Вместе с тем великий князь Константин Павлович, безотносительно занимаемых должностей, воспринимался Петербургом как абсолютный представитель царя в регионе. Многочисленные русские источники, как документы официального делопроизводства, так и материалы личного происхождения, именуют великого князя Константина наместником в Польше применительно не только к первым годам николаевского царствования, но и к значительно более раннему периоду. Такая трактовка апеллирует к фактическому, а не формальному положению дел, то есть указывает на статус, а не на должность.

Константин Павлович был членом правящей династии, и его полномочия в регионе были беспрецедентны¹²³. В январе 1822 г. император Александр I подписал распоряжение, согласно которому Константину Павловичу была предоставлена «над губерниями Виленскою, Гродненскою, Минскою, Волынскою, Подольскою и Белостокскою областью... власть Главнокомандующего действующей армии». Этот документ остался практически не замеченным в литературе¹²⁴, а ведь именно это распоряжение устанавливало власть цесаревича над очень значительной территорией. Формально Константину присваивались «все права, власть и преимущества, предоставленные Главнокомандующему по учреждению действующей Армии»¹²⁵, однако в действительности с этого момента Константин контролировал регион, который включал в себя не только Царство Польское, но также бывшие земли Речи Посполитой, вошедшие в состав Российской империи в XVIII столетии. В архивных фондах сохранились прошения чиновников и дворян этих губерний к Константину относительно самых разных дел, никак не связанных с руководством армией. Речь шла прежде всего о финансах – вопросах прощения недоимок, расходования сумм земских сборов, дозволения «ввести обеспечительную или кредитную систему на обыкновенных правилах ипотеки» по примеру принятой в Царстве Польском и т. д. К цесаревичу обращались также в связи с дворянскими выборами и вопросами имущественного характера¹²⁶. При этом территории Виленской, Гродненской, Минской, Волынской и Подольской губерний, а также Белостокской области именовались в документах «присоединенными от Польши губерниями» и «губерниями, состоящими под надзором Его Императорского Высочества Цесаревича»¹²⁷.

¹²¹ См., например: *Залевский М. Н.* Император Николай Павлович и его эпоха (по воспоминаниям современников). Франкфурт-на-Майне: б/и, 1978. С. 155; *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 2. Внешняя политика императора Николая I, 1825–1855. М.: Кучково поле, 2017. С. 167; Польша: политика, экономика, общество / Под ред. А. В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 31; *Назирова Р. Г.* История Польши. Восстание 1830 года // Назировский архив. 2014. № 4 (6). С. 63.

¹²² В польских архивах сохранилось подробное описание церемониала похорон наместника российского императора в Царстве Польском Ю. Зайончека. Это масштабное действо продолжило череду печальных мероприятий 1826 г. в Варшаве (AGAD. F. 190. D. 91. K. 136–138).

¹²³ Как показала О. С. Каштанова, авторы польских воспоминаний видели ситуацию более диверсифицированно – от указаний на активную роль великого князя Константина до оценки его позиции как совершенно нейтральной и далекой от государственных дел (*Каштанова О. С.* Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 годах (по воспоминаниям современников) // Столица и провинция в истории России и Польши. М.: Наука, 2008. С. 119–120).

¹²⁴ Исключение составляет диссертация О. С. Каштановой, в которой этот эпизод анализируется как часть биографии Константина Павловича (*Каштанова О. С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 118).

¹²⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1218. Л. 1–2 об.

¹²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 5379. Л. 1–11 об.

¹²⁷ Там же. Л. 1 об., 4–5.

Особый статус Константина на этих территориях не был секретом для российского общества. А. Х. Бенкендорф пишет в своих «Воспоминаниях»: «Провинции, расположенные перед польскими землями – Вильно, Гродно, Белосток, Минск, Волынь и Каменец Подольский, находились под его (Константина Павловича. – *Прим. авт.*) командованием и управлялись военной администрацией»¹²⁸. В другом месте, рассуждая о взаимоотношениях Николая и Константина, шеф Третьего отделения замечает, что цесаревич «на протяжении многих лет... привык подчиняться только самому себе, вошел в обыкновение приказывать как начальник»¹²⁹. Схожим образом полномочия Константина описывали люди иного уровня информированности. Так, мемуарист О. Пржецлавский (Ципринус), оставивший воспоминания о времени, проведенном в литовских землях, указывал, что цесаревичу подчинялись «в административном порядке присоединенные от Польши губернии, западные, юго-западные и Белоруссия»¹³⁰. Примечательно и привлечение внимания Третьего отделения письмом неизвестного лица, в котором последний комментировал факт сосредоточения в руках Константина всей власти на бывших польских территориях следующим образом: «Вы же уже знаете, каких сил стоило Великому князю Константину овладеть польскими провинциями, принадлежащими России. Они вернулись к единственному управляющему»¹³¹.

По мнению О. С. Каштановой, такое усиление роли Константина в регионе стало итогом многолетней конкуренции между ним и императором Александром¹³². Исследовательница полагает, что, несмотря на павловский закон о престолонаследии 1797 г., который определял очередность занятия престола в Российской империи, «с 1799 г. в России фактически существовало два наследника престола: Александр и Константин, которому Павел пожаловал титул цесаревича 28 октября (8 ноября)», формально – за храбрость, проявленную великим князем при участии в суворовских походах конца века¹³³. Константин Павлович действительно проявил себя во всех отношениях достойно и был встречен в Петербурге как герой¹³⁴. В честь его возвращения в столице устроили серию балов, а в Эрмитажном театре был поставлен балет¹³⁵.

Обращает на себя внимание и тот факт, что организаторы переворота 11 марта 1801 г., стремившиеся к свержению с престола Павла I, рассматривали Константина как одного из возможных претендентов на престол¹³⁶. Конкуренция Константина и Александра, достигшая к началу 1820-х гг. своего пика, завершилась в подписание в 1822 г. двух документов – отречения Константина Павловича от престола в пользу Николая Павловича¹³⁷ и упоминавшегося выше распоряжения о предоставлении Константину военной власти в западных губерниях.

¹²⁸ Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М.: Российский фонд культуры, 2012. С. 402–403.

¹²⁹ Там же. С. 408.

¹³⁰ Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев // Русский архив. 1872. Кн. 9. С. 1709.

¹³¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 109. Оп. 2. Д. 2. Л. 4.

¹³² Каштанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 118.

¹³³ Каштанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 105. Титул «цесаревича» Константин сохранил за собой до самой смерти. См., в частности, материалы, связанные с его погребением в 1831 г.: РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–26.

¹³⁴ Константин Павлович принял участие в Итальянском походе А. В. Суворова, был задействован в сражениях при Треббии (1799) и Нови (1799) (*Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 9*). Об этом см. также: Чечулин Н. Д. Константин Павлович // Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 9. СПб., 1903. С. 172–173.

¹³⁵ *Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 10*; Чечулин Н. Д. Константин Павлович. С. 173.

¹³⁶ Константин, у которого изначально сложились очень теплые отношения с отцом, не знал о готовящемся перевороте 11 марта 1801 г., отреагировал на убийство Павла I чрезвычайно болезненно и требовал повесить заговорщиков (*Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 3, 11*).

¹³⁷ ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 1. С. 3–4.

Таким образом был произведен обмен: отказ от престола был получен императором Александром ценой предоставления брату неограниченного контроля над западными территориями.

Дипломат и мемуарист П. Г. Дивов, рассуждая в своем дневнике о событиях 1831 г., пишет даже, что восстановление Польши было в конце концов одобрено Александром I, поскольку император «надеялся этим удовлетворить честолюбие брата, отказавшегося от русского престола вследствие своего брака с полькой». «Нам неизвестно, – продолжает дипломат, – какие надежды лелеял великий князь Константин Павлович, отказываясь от русского престола и видя себя на возрождающемся престоле Польши в качестве наместника своего брата Александра, но, обсуждая все его поступки с того момента, вплоть до кончины, мы имеем полное основание думать, что он замыслил занять независимое положение». В качестве независимых действий Константина Дивов указывает на замену русских солдат Литовского корпуса польскими, укрепление «на счет России» крепостей Модлин и Замосец и образование особой «министерской канцелярии»¹³⁸.

Если не иметь в виду особенности личности великого князя¹³⁹ и совершенно естественное для члена правящей династии неприятие бунтовщиков, позиция Константина в период его жизни в Царстве была ориентирована на интересы Польши. Стоит отметить, что Константин был, как и Александр, воспитан Лагарпом¹⁴⁰ и еще в юности много общался с Чарторыйскими¹⁴¹. К моменту вступления Николая на престол Константин Павлович более или менее постоянно жил в Варшаве около 10 лет¹⁴². 12 (24) мая 1820 г. Константин обвенчался в Варшаве с польской аристократкой Иоанной (Жанеттой) Грудзинской, которой был пожалован титул княгини Лович¹⁴³. Брак Константина традиционно интерпретируется как история любви и преданности, однако возможна куда менее романтизированная трактовка, в рамках которой Лович стала польским «проектом влияния» на великого князя, официально являвшегося наследником российского престола. Интересно, что в польском историческом фильме «Княгиня Лович» 1932 г. в одной из сцен главная героиня появляется в горностаевой мантии, с лентой через плечо и подобием короны на голове, то есть предстает в образе императрицы.

Один из современников отмечал, что «польское общество в Варшаве чрезвычайно обрадовалось свадьбе цесаревича», питая надежды «иметь легчайший доступ к нему (Константину Павловичу. – *Прим. авт.*) через посредство княгини», а все родственники Лович «даже самые дальние поднялись на 100 процентов»¹⁴⁴. Вероятно, речь шла об использовании устоявшегося шаблона, задействованного несколькими годами ранее в отношении Наполеона в связи с его романом с Марией Валевской.

¹³⁸ Дивов П. Г. Из дневника П. Г. Дивова (1831 г.). С. 525–526.

¹³⁹ О. С. Каштанова отмечает, что Константин «соединял в себе множество разных натур», а его решения зачастую объяснялись реакцией на внешние обстоятельства (*Каштанова О. С.* Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 годах (по воспоминаниям современников). С. 113). Дочь императора Николая I, великая княжна Ольга Николаевна, видевшая Константина лишь ребенком и отразившая в своих воспоминаниях, вероятно, некий существовавший в семье образ дяди, оперировала оппозициями в ориенталистском ключе: «У него [Константина] были качества полутатарского, полурусского-цивилизованного характера» (*Ольга Николаевна*, великая княжна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 187). О восприятии Константина Павловича в Польше и репрезентации его образа в художественной литературе см. также: *Филатова Н. М.* Вокруг «Кордиана». Образ великого князя Константина Павловича в польской литературе // Юлиуш Словацкий и Россия / Под ред. В. А. Хорева, Н. М. Филатовой. М.: Индрик, 2011. С. 38–52.

¹⁴⁰ *Pienkos A.* The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 4–5.

¹⁴¹ Младший из братьев Чарторыйских, Константин, был назначен адъютантом к Константину Павловичу (*Ibid.* P. 7).

¹⁴² *Ibid.* P. 25.

¹⁴³ *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб.: Издание Суворина, 1898. Т. 4. С. 176. Пожалованию титула предшествовал указ императора Александра I о даровании имени Лович, некогда принадлежащего примасам Польши, великому князю Константину Павловичу в знак благоволения за заслуги по формированию польских войск (*Устимович М. П.* Лович. Древняя резиденция и владение примасов Польши (историческая заметка). Варшава, 1894. С. 118–119).

¹⁴⁴ [*Колзаков К. П.*] Княгиня Лович. Розыск К. П. Колзакова. С. 400.

К середине 1820-х гг. Константин практически перестроил собственное «я» на польский манер: он мог именовать себя «поляком», а Царство Польское – «страной» и был склонен в сочетании прилагательных «русский» и «польский» акцентировать второе слово¹⁴⁵. Он практически не бывал в Петербурге, воспринимая столицу империи как пространство едва ли не враждебное, наполненное врагами, главной целью которых было устройство разлада между ним и императором Николаем¹⁴⁶. Без сомнения, великий князь находился в это время под сильным влиянием католичества. Рассуждая на предмет веротерпимости и собственной религиозности, Константин вполне мог назвать себя «грекокатоликом». Он писал в январе 1828 г. Лагарпу: «Моя жена принадлежит к этому вероисповеданию (римско-католическому. – *Прим. авт.*), держится его чрезвычайно ревностно; это весьма деликатная струна, которую трудно с ней затрагивать мне, *греко-католику*. Иногда я эмансипируюсь на счет этой знаменитой секты и всего, что нее касается, не заходя, впрочем, слишком далеко...»¹⁴⁷

С течением времени у великого князя сложилось достаточно четкое представление и о собственной миссии – представительстве за поляков (в тех формах, которые он полагал верными) перед Петербургом и императором Николаем. Ирония ситуации заключалась в том, что с течением времени Константин Павлович становился все менее и менее популярным в Царстве Польском, что было связано с непредсказуемостью его действий и страстью к парадом. Цесаревичу хоть и не прямо, но ставили в вину репрессии против членов тайных обществ, ограничения в преподавании польской истории и литературы¹⁴⁸, а его роль адвоката польских прав и позиций была мало кому известна в Варшаве¹⁴⁹.

Нельзя не отметить замечательную во многих отношениях историю участия Константина Павловича в работе представительных органов Царства Польского. Великий князь был депутатом польского сейма. Он получил этот статус в 1818 г. и сохранил его вплоть до восстания 1830–1831 гг.¹⁵⁰ По официальной версии, инициатива депутатства Константина исходила одновременно от самого великого князя и от польских горожан. В подписанном Александром I в этой связи документе говорилось, что «император Все милостивейше соизоляет совместному желанию его высочества и обывателей Новой Праги»¹⁵¹.

Константин был символично выбран депутатом от Праги – варшавского предместья, со стороны которого войска А. В. Суворова штурмовали город во время восстания Т. Костюшко в 1794 г.¹⁵² Апеллируя к событиям конца прошлого века, цесаревич демонстрировал стремление искупить русские грехи перед поляками.

¹⁴⁵ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 234. См. также более поздние материалы, в которых Константин рассуждает о самом себе, например: Приезд польского депутата Валицкого к цесаревичу Константину Павловичу 23 (5) и 24 ноября (6 декабря) 1830 г. // Военский К. Император Николай и Польша в 1830 году: Материалы для истории польского восстания 1830–1831 гг. СПб., 1905. С. 120. Следует отметить, что таким положение дел было не всегда. Риторика Константина Павловича периода Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов, напротив, прямо апеллировала к категориям русского национального. Показательно его высказывание, направленное против М. Б. Баркляя-де-Толли, зафиксированное современниками в 1812 г. во время отступления русской армии к Смоленску. Великий князь позволил себе критику командующего, прямо объявив, что из-за немцев проливается русская кровь (*Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 15*). Обнаруживать в себе русского Константин вполне мог и для подкрепления того или иного аргумента. Так, в письме Лагарпу в 1827 г. великий князь писал: «Да будет счастлива дорогая и великая Россия, да не увидит она более печальных и гнусных сцен, да будет она велика не только своим пространством, но истинными чувствами чести, которые должны ее поддерживать и внушать к ней уважение ибо без этого сила ее не была бы непоколебима. Здесь я говорю как русский, любезный наставник...» (Письма великого князя Константина Павловича к Лагарпу, 1796–1829 // Сборник РИО. СПб., 1870. Т. 5. С. 68).

¹⁴⁶ Walker F. A. Constantine Pavlovich: An Appraisal // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. № 3. P. 450.

¹⁴⁷ Письма великого князя Константина Павловича к Лагарпу, 1796–1829. С. 73.

¹⁴⁸ В большей степени критике подвергался Н. Н. Новосильцев, доверенное лицо великого князя Константина Павловича.

¹⁴⁹ *Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 96*.

¹⁵⁰ Майков П. М. Царство Польское после Венского конгресса // *Русская старина*. СПб., 1903. Т. 113 (март). С. 420.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Примечательный выбор территории для представительства в сейме отметил историк Н. К. Шильдер, зафиксировавший

Екатерининская политика в отношении Польши уже к концу 1800-х гг. характеризовалась императором Александром I как «не соответствующая духу времени»¹⁵³. К моменту начала Венского конгресса у русского общества сформировалось устойчивое понимание, что монарх «почитал долгом совести загладить великое политическое преступление, совершенное с Польшей»¹⁵⁴. Константин Павлович был согласен с братом-императором в его стремлении «изгладить следы продолжительных невзгод», которые Россия причинила Польше¹⁵⁵. «Нет поляка, – рассуждал великий князь, – к какой бы партии он ни принадлежал, который не был бы убежден в истине, что его отечество было захвачено... Екатериною в продолжении трех произошедших разделов, которая поступала так в мирное время и без объявления войны, прибегнув при этом ко всем *наиболее постыдным средствам, которыми побрезговал бы каждый честный человек...* захват – *постыдный грабёж, который рано или поздно падет на голову грабителя*»¹⁵⁶. А. Чарторыйский вспоминал также, что «великий князь Константин, не разделявший либеральные воззрения своего брата, сходил с ним во мнениях насчет образа жизни и характера императрицы Екатерины». Князь указывал, что «несколько раз слышал, как он (Константин Павлович. – *Прим. авт.*) отзывался о своей бабке и при ее жизни и позже, когда ее не стало, с безмерной резкостью и в грубых выражениях»¹⁵⁷. Взгляд Константина на историю разделов Польши прямо отражал польскую интерпретацию событий, которая в России сосуществовала с позицией диаметрально противоположной и нашедшей свое отражение в известном письме Карамзина Александру I¹⁵⁸.

Отношение Константина к его депутатскому статусу было двойственным, особенно учитывая, что великий князь видел себя потенциальным королем или по крайней мере благодетелем Польши. Вероятно, оно менялось с течением времени: в 1818 г. цесаревич мог определять свое депутатство как «комедию» или «фарс»¹⁵⁹, да и в 1820-е гг. вполне мог иронично именовать заседание сейма «пиейсой гратис» или «нелепой шуткой», а собственное присутствие на нем – разыгрыванием «роли прагского депутата»¹⁶⁰. Вместе с тем, принимая новый статус в 1818 г., цесаревич посчитал необходимым подчеркнуть лояльность новым установкам и польской традиции. Он писал графу Соболевскому, что «чувствительно тронут выражением... доверия» со стороны поляков, и просил своего респондента сообщить о том, когда именно он мог бы приступить «к исполнению новых обязанностей»¹⁶¹. Безотносительно его реакций на

факт избрания Константина депутатом от Праги – предместья, «некогда взятого штурмом Суворовым», однако не решившийся интерпретировать его (*Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 90).

¹⁵³ *Вяземский П. А.* Записные книжки. 1813–1848 / Сост. В. С. Нечаева. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 148. Формулировка «дух времени», к которой решил прибегнуть император, чрезвычайно активно использовалась в польской политической риторике этого периода (*Bujarski G. T.* Polish Liberalism, 1815–1823: The Question Of Cosmopolitanism And National Identity // *The Polish Review.* 1972. № 2 (17). Р. 17; *Филатова Н. М.* Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 51). Это означает, что, рассматривая екатерининскую политику, Александр I опирался на польскую интерпретацию последней.

¹⁵⁴ *Эдлинг Р. С.* Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы // Русский архив. 1887. № 4. С. 421.

¹⁵⁵ По мнению ряда исследователей, Константин Павлович был даже более радикален в этом вопросе. Великий князь не стремился усвоить александровскую позицию прощения по отношению к Екатерине II (*Pienkos A.* The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 7).

¹⁵⁶ *Шильдер Н. К.* Император Николай I и Польша. Вып. 2. С. 297.

¹⁵⁷ *Чарторыйский А.* Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1. С. 98–99.

¹⁵⁸ О дискуссии применительно к действиям Екатерины II в связи с польским вопросом см.: *Dixon S.* The Posthumous Reputation of Catherine II in Russia 1797–1837 // *The Slavonic and East European Review.* 1999. Vol. 77. № 4. P. 675.

¹⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 859. К. 19. Д. 1. Л. 29; *Pienkos A.* The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 69.

¹⁶⁰ ОР РНБ. Ф. 859. К. 19. Д. 1. Л. 29; *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 88; *Он же.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 278.

¹⁶¹ *Майков П. М.* Царство Польское после Венского конгресса. С. 420.

происходящее, Константин неизменно подчеркивал свой статус, присутствуя на сеймах 1818, 1820, 1825 и 1830 гг.¹⁶² и активно апеллируя к польской конституции.

В практическом отношении, кроме обеспечения безопасности династии или вопросов, которые, по мнению великого князя, затрагивали его собственное эго, Константин Павлович был готов поддержать любой пропольский проект. По меткому замечанию А. Х. Бенкендорфа, Константин «протезировал замыслам поляков»¹⁶³. Коронация 1829 г. была одним из таких замыслов.

1.3. Мучительная переписка

Отношения Константина и Николая после отречения первого и вступления на престол второго представляли собой постоянную конкурентную борьбу, ни затихавшую ни на мгновение. Для Константина, с учетом его противоречивых отношений с Александром I, конфликт был апробированной стратегией поведения, в рамках которой Николай просто занял место покойного монарха. К тому же вся история с отречением предоставляла великому князю моральное право давить на Николая, апеллируя к чувству благодарности, которое надлежало испытывать последнему. Время от времени Константин позволял себе упреки, что не получил должного внимания или положительного ответа на тот или иной запрос, притом что отказался в пользу брата от престола¹⁶⁴. При этом речь могла идти о вполне публичном проявлении недовольства. Так, Михаил Чайковский в своих «Записках» вспоминал, что генералы и адъютанты великого князя рассказывали в войсках, как во время одного из приемов в Бельведерском дворце Константин выразил недовольство изменениями в униформе польских войск, которые ввел Николай. Константин будто бы заявил: «Я отдал ему (Николаю I. – *Прим. авт.*) корону, а он не хочет оставить мне лампасов»¹⁶⁵. Без сомнения, информация о подобных тирадах достигала Петербурга. Можно предположить, что Николай испытывал непростую гамму чувств – от признательности до раздражения от постоянной неуступчивости Константина. Читая переписку братьев, сложно отделаться от ощущения, что общение с Константином Павловичем было для императора Николая I постоянной пыткой.

Сложность в отношениях между братьями отмечали и современники, находившиеся на разных ступенях административной лестницы, например А. Х. Бенкендорф и П. Г. Дивов¹⁶⁶. Последний, много писавший о том, насколько серьезной помехой для действий императора в регионе был Константин, так описывал финал этих отношений: «Июня 18-го (1831 г.) получено известие о кончине великого князя Константина Павловича, умершего в Витебске от холеры... Вице-канцлер заметил, что император весьма огорчен; да, – отвечал я, – он оплакивает смерть брата, и более ничего»¹⁶⁷.

К началу дискуссии о практической стороне коронации, которая развернулась в 1828 г., Николай уже имел опыт взаимодействия с Константином. Он выдержал серьезный раунд обсуждений по вопросу о присоединении Литвы к Царству Польскому. В этих политических дебатах Константин с жаром выступал за реализацию обещанного Александром воссоединения территорий Польши¹⁶⁸, а Николай, напротив, выражал явное несогласие.

¹⁶² А. С. Меншиков писал об этом А. А. Закревскому в 1818 г. из Варшавы: «Вчера Государь открыл сейм речью прекрасною... Михаил Павлович заседал с сенаторами, а Цесаревич с депутатами города Праги» (Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 78. С. 428).

¹⁶³ Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 403.

¹⁶⁴ [Буткевич.] Воспоминания прелата Буткевича. Польское восстание 1831 г. // Русская старина. 1878. Т. 22. С. 592.

¹⁶⁵ [Чайковский М.] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // Русская старина. 1896. Т. 86. № 5. С. 164.

¹⁶⁶ Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 409.

¹⁶⁷ Дивов П. Г. Из дневника П. Г. Дивова (1831 г.). С. 525.

¹⁶⁸ По мнению Н. К. Шильдера, «цесаревич упорно отстаивал Александровскую точку зрения, усвоенную во время десяти

Император представлял свою позицию, оперируя категориями этнического порядка: он прямо называл Константина «поляком», а себя – одновременно «русским и поляком». Так, 14 (26) марта 1827 г. Николай писал брату: «Я остаюсь при глубоком убеждении, что продолжать питать и поддерживать идеи, которые заведомо невозможно осуществить вследствие неудобств, крайне важных и влекущих серьезные последствия, значило бы совершенно не выполнить наш долг, как русских. Вы сами высказали это Грабовскому: „будьте поляком, что же касается меня, я – русский и останусь русским“. Я же говорю: „*будьте поляком, а я сам буду и тем, и другим*“»¹⁶⁹. В другом письме, в котором был затронут вопрос литовских территорий, Николай I не менее экспрессивно – в духе, свойственном эпохе, – писал, что ничто не может ему помешать быть «*столь же хорошим поляком, как и хорошим русским*»¹⁷⁰. Само по себе такое конструирование политического «я» мало кого могло бы поразить, если бы речь не шла о представителях дома Романовых. По сути, в этой корреспонденции Николай и Константин демонстрировали, что определение их «русскости» прямо зависит от фигурирующей в разговоре территории: при дебатировании польского вопроса российскому императору предписывалось воспринимать себя русским лишь наполовину, предоставляя при этом брату привилегию не быть русским в принципе. Свою польскую идентичность Николай определял приверженностью конституции и охраной привилегий жителей Царства¹⁷¹, а русскость – связью с армией.

Спор братьев о статусе литовских территорий обернулся обсуждением судьбы Литовского корпуса, которым командовал Константин. Здесь соположение русского и военного стало определяющим для аргументации Николая. «Оставим все в... настоящем положении, – писал он брату, – не пойдем далее этого, будем сопротивляться тем, которые пожелали бы идти далее (к объединению литовских территорий и Царства Польского. – *Прим. авт.*) и, по крайней мере, *сохраним в войсках сознание, которое вы так хорошо поддерживали в них до сих пор, что они русские*»¹⁷². В другом письме он отметил: «...пока я жив я не могу потерпеть ни малейшей попытки сверх этого (сохранения привилегий Царства Польского. – *Прим. авт.*) ... поэтому необходимо, чтобы часть Вашего комплектования была набрана в русских губерниях... К несчастью, старые русские офицеры Вашего корпуса исчезают, а большинство молодежи – поляки; через десять лет поляки будут русскими лишь по названию, а в сущности будут польскими; пора подумать предотвратить это»¹⁷³.

В письме Константину от 12 (24) ноября 1827 г., которое сам император назвал «исповедью, каковою она была бы перед Богом»¹⁷⁴, Николай пошел дальше. «У нас... для Литовского корпуса существует особая форма; – писал он великому князю, – до тех пор, пока ее носят русские, это не представляет никакого значения, так как *какой бы цвет ни заставляли их носить, они останутся русскими*, но дело обстоит иначе с поляками, в глазах которых этот цвет приобретает значение, клонящееся к поддержанию в них надежды, ныне немыслимой, возвратиться к королевству, отделившись от империи»¹⁷⁵. Показательно, что Литва предстает в этом письме в двух ипостасях – она и чужая (цвета Литовского корпуса необходимо менять¹⁷⁶), и при этом своя, названная «русской провинцией», которая не может «возвратиться к Польше, потому что

тилетнего пребывания своего в Варшаве» (Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 2. С. 295). Подробнее о позиции Александра I в отношении присоединения литовских территорий к Царству Польскому см. главы 6–7.

¹⁶⁹ Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 2. С. 296.

¹⁷⁰ Там же. С. 298.

¹⁷¹ В одном из писем император писал брату: «Я доказал и при каждом случае буду доказывать это строгим и верным соблюдением и охранением привилегий, которые наш покойный ангел даровал королевству» (Там же. С. 298–299).

¹⁷² Там же. С. 296.

¹⁷³ Там же. С. 298–299.

¹⁷⁴ Там же. С. 301–302.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Литовский корпус получил при Николае I мундиры с русскими цветами (Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 2. С. 295).

это бы значило посягать на целостность империи»¹⁷⁷. Польша же, названная здесь королевством, оказывается поставленной на один уровень с Россией, то есть определенной как политический субъект. Все это сочетается с вполне прямым изложением позиции императора относительно русского, соположенного с военным; Николай прямо говорит о давлении, оказываемом на русских (в данном случае – на офицеров и солдат): их *заставляют* носить литовские цвета. При этом император выражает уверенность, что, даже если принуждать русских носить литовские мундиры, они не перестанут быть русскими, то есть останутся лояльными династии и стране.

Зимой 1826 г. цесаревич впервые за долгое время приехал в Петербург¹⁷⁸. Это вызвало в обществе многочисленные толки и слухи. Говорили, что Константин Павлович явился в столицу «по делу польского тайного общества» или для того, чтобы «отсоветовать государю вести войну с Турцией»¹⁷⁹. Много разговоров велось и вокруг Литовского корпуса. В обществе полагали, например, что «якобы назначен в оные войска главнокомандующим генерал Красинский, войско же оное будет стоять на границе близ Крякова» (Кракова. – *Прим. авт.*) и что «будто польское войско будет разделено между российским для уничтожения часто встречающегося в Польше бунта»¹⁸⁰. Очевидно, что при взгляде из столицы позиция великого князя в Царстве Польском казалась пошатнувшейся.

Примечательно, что к великому князю был приставлен агент, составлявший донесения о действиях Константина Павловича во время пребывания в Петербурге. Испещренные грамматическими ошибками и описками записочки позволяют увидеть все перемещения и встречи великого князя в городе. Константин не переставал демонстрировать связь с Польшей: на столичных балах он появлялся одетым в польское платье¹⁸¹, его регулярно посещали жители польских территорий империи¹⁸². Цесаревич часто виделся с братом – великим князем Михаилом Павловичем и матерью – императрицей Марией Федоровной, однако, судя по этим материалам, за две недели, проведенные в Петербурге, император навестил брата лишь однажды¹⁸³. Очевидно, это была не единственная встреча – при дворе в это время было организовано несколько балов. И все же образ «братской любви» зримо померк. По мере того как император обретал большую уверенность, практическая необходимость публичной демонстрации чувств к старшему брату, по крайней мере в Петербурге, перестала быть насущной необходимостью. Тем более что приблизительно в это время Константин инициировал новый спор с императором. Речь шла о вступлении России в войну с Турцией.

Еще находясь в Петербурге, цесаревич вполне публично и при этом в свойственной ему грубой манере высказывался против планов открытия боевых действий. В письмах генерал-фельдмаршалу Ф. В. Остен-Сакену Константин утверждал, что «откровенно и гласно высказывал мнение... что иметь... войну нет никакой в виду пользы». «Начать оную весьма легко, – отмечал великий князь, – какой же будет конец одному Богу известно. Надеяться на свою силу не можно»¹⁸⁴. Великий князь, очевидно, не приукрашивал собственные действия. Это подтверждают и записки приставленного к нему агента, который сообщал: «Рассказывают будто бы Цесаревич целые 4 часа был запершись в комнате с графом Дибичем, который якобы большой приверженец войны и хотел с жаром убедить о пользе оной. Цесаревич будто бы насмехаясь над горячностью графа в шутку сказал, что ему надобно поставить промыватель-

¹⁷⁷ Там же. С. 301.

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 44–54; Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 519.

¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 53.

¹⁸⁰ Там же. Л. 47, 52.

¹⁸¹ Там же. Л. 44.

¹⁸² Там же. Л. 44–53.

¹⁸³ Там же. Л. 48.

¹⁸⁴ Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 518–519.

ные из холодной воды и что на бале все задевали графа словами „Холодной воды! Холодной воды!“»¹⁸⁵

Вернувшись в Польшу, Константин продолжил давление на Николая в переписке. Он пытался переключить внимание императора на европейские дела, утверждая, что «враги с запада с легкостью могут начать действовать», что Запад сделает все, чтобы «занять» Россию войной на Востоке, что так будет нанесен «удар... достоинству и... могуществу» императора¹⁸⁶. Николай, как и в переписке о будущем литовских территорий, был вынужден балансировать между необходимостью отстаивать собственную позицию и стремлением угодить брату. Он отвечал, что разделяет мнение цесаревича относительно Европы («Запад делал, делает и будет делать все, что в его силах, для того, чтобы... парализовать наши силы»), однако отказываться от своих планов не желал¹⁸⁷.

Как всегда, Константин использовал апелляции к Александру I. Стремясь отговорить брата от объявления войны Турции, он писал Николаю: «Я никогда не позволю себе, дорогой брат, намечать Вам начала, которых вы должны придерживаться... и если иногда я высказываю вам с присущей мне откровенностью истину, – то, что я признаю истиной в душе, – это является ничем иным как следствием привычки, привитой обыкновением поступать так в отношении нашего покойного бессмертного императора и побуждающей меня действовать подобным образом, – следствием священного слова, данного ему мною поступать так и в отношении вас, как только его не станет, – что было потребовано им от меня под клятвою»¹⁸⁸. Однако на сей раз стало понятно, что использовать политику, правила и начинания, завещанные «покойным бессмертным императором», в качестве аргумента в споре мог не один Константин. Николай усвоил эту манеру достаточно быстро – если цесаревич считал возможным поучать его по праву, предоставленному лично Александром I, то Николай мог действовать в соответствии с памятью о великом монархе-брате. Он поведал великому князю о том, что вступить в войну его побуждает не что иное, как долг и стремление завершить дело, начатое Александром I, намеревавшимся покончить с «вечным источником раздора»¹⁸⁹. Примечательно, что в этом же письме Николай I, рассуждая на тему будущей войны на Востоке, прямо писал, что в отношении Европы «чем больше мы будем придерживаться нашего собственного права, тем лучше все будет»¹⁹⁰. Отметим – этот аргумент при обсуждении дел на Западе, в Польше, в переписке Николая не звучал.

Споры о смысле Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. вскоре переросли в дискуссию относительно присутствия польских войск на театре военных действий. Николай I задумал перебросить польскую армию к Дунаю¹⁹¹, присоединив ее к русским войскам. Император надеялся таким образом создать на полях турецкой войны русско-польское братство по оружию. Борьба с турецкой угрозой должна была, по мысли монарха, стать объединяющим началом. А. Х. Бенкендорф так описывал идею Николая: «...император чувствовал потребность более тесного объединения двух наций, ощущал особенную пользу от присылки войск и от *братания* их с русскими войсками. Он попросил своего брата прислать в Дунайскую армию небольшую часть польских войск»¹⁹².

¹⁸⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 53–53 об.

¹⁸⁶ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 211.

¹⁸⁷ Там же. С. 213.

¹⁸⁸ Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 522.

¹⁸⁹ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 213.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 519.

¹⁹² Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 404.

Надо сказать, что нарратив единения против «исконного врага» – Турции – оказался впоследствии, во время подготовки и проведения коронации, одним из самых востребованных. Однако в начале 1828 г. сделать на это ставку Николаю не удалось – Константин выступил против предлагаемого плана с предсказуемой резкостью.

Продолжая рассуждать об опасности, которая исходила от Запада, и доставляя императору надуманные сведения об угрозах со стороны Пруссии, проводившей, по словам цесаревича, активную мобилизацию на присоединенных польских территориях¹⁹³, он в конечном итоге вынудил Николая отказаться от использования польской армии. Едва ли император был в полной мере убежден в агрессивных настроениях в немецкой Польше (пруссский король был его тестем, да и в переписке с братом Николай не был склонен обсуждать проблемы в отношениях с Пруссией), но прямо приказать Константину монарх не решился. Как справедливо отмечает Н. К. Шильдер, в это время Николай «действовал вполне независимо от советов старшего брата, но вместе с тем избегал, по возможности, предпринимать что-либо ему неприятное»¹⁹⁴.

И все же идея хотя бы символического оформления единения двух армий на поле боя («братания», по меткому замечанию Бенкендорфа) была слишком близка императору. В письме от 19 апреля (1 мая) 1828 г., сообщив брату, что «жребий брошен» и он отправляется на театр военных действий, Николай выразил (что примечательно – в постскриптуме) желание иметь при себе нескольких польских офицеров¹⁹⁵. Но даже такой жест показался Константину неприемлемым, и спор братьев перешел на новый уровень. Цесаревич фактически обвинил Николая в том, что император стремится дискредитировать его репутацию в Польше. Он заявил, что необходимость выбрать польских офицеров для отправки на войну ставит его в «затруднительное положение», поскольку «этот выбор может оскорбить тех, на кого выбор не падет... они (поляки. – *Прим. авт.*) увидят покровительство», а после возвращения «проявится зависть, а отсюда дразги и т. д.». Великий князь указывал, что покровительство было как раз тем, что он «избегал делать на протяжении последних 14 лет», резюмируя, что «нет ничего более опасного, чем подобные вещи»¹⁹⁶.

Опасаясь, вероятно, что, несмотря на давление, этот раунд все-таки может быть проигран, Константин Павлович вновь написал императору несколько дней спустя. Он разыграл последнюю карту – обратился к брату с просьбой одобрить его прибытие на театр военных действий вместе с польскими офицерами: «...если я должен сделать выбор поляков... и если я не иду с ними, что они подумают обо мне? Каково будет их мнение на мой счет после того, как я был с ними на протяжении 13–14 лет... Видите ли Вы, неприятное положение, в котором я оказываюсь. Я мучал их в мирное время, но в момент опасности, я остаюсь позади и отправляю их одних без меня и без поддержки. Чувствуете ли Вы, дорогой брат, унижительность моей ситуации и что я не надеюсь заслужить тот пост, который я занимаю по воле Императора... В остальном все будет так, как Вы пожелаете»¹⁹⁷. Император отвечал на это, что был бы счастлив видеть Константина во главе его войск, участвующих в войне против Турции, однако добавлял в конце: «...я не думаю, что это когда-нибудь будет возможно или необходимо»¹⁹⁸. Итогом схватки стала ничья – 18 польских офицеров все-таки присоединились к русским войскам на

¹⁹³ Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 520; Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 226.

¹⁹⁴ Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 519.

¹⁹⁵ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 220.

¹⁹⁶ Там же. С. 225–226.

¹⁹⁷ Там же. С. 243.

¹⁹⁸ Там же. С. 246–247.

Балканах¹⁹⁹, а Константин Павлович остался следить за военными действиями русской армии из Варшавы²⁰⁰.

Эпизод с неучастием польской армии в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. активно обсуждался в польском обществе, высказывались соображения, что если бы идея привлечения поляков к участию в этой войне была реализована, то польские войска «снискали бы этим царскую милость»²⁰¹. Интересно, что такая трактовка переключалась на страницы исторической литературы, обретая черты рассказа об упущенном шансе на русско-польское примирение. Так, Н. К. Шильдер, бывший, что примечательно, историком и военным, резюмировал в этой связи: «... благой мысли императора Николая не суждено было осуществиться; польская армия осталась нетронутой в царстве и, по-прежнему, продолжала спокойно упражняться во всех тонкостях гарнизонной службы под требовательным оком своего главнокомандующего, а тайные общества могли беспрепятственно продолжать в рядах ее свою подпольную, разлагающую работу, которая благодаря близорукому упорству цесаревича привела ко взрыву 1830 года»²⁰². Шильдер размышляет здесь, по сути, в парадигме, предложенной самим императором Николаем I. Согласно последней, единение на поле боя позволило бы оставить позади прежние противоречия. Нет сомнения, однако, что трактовка может быть и иной – участие в войне укрепило бы ее польских участников в видении себя, собственной храбрости и прав на политическое высказывание, что не предотвратило бы взрыв.

Обсуждение собственно польских дел в переписке двух братьев в 1826–1829 гг. никогда не исчезало, а общий тон дискуссии оставался тревожным. Цесаревич постоянно внушал Николаю беспокойство в связи с ситуацией в Польше. Чем больше времени проходило после восстания декабристов, тем реже Константин готов был сообщать в Петербург, как в дни мятежа на Сенатской площади, что «здесь (в Варшаве. – *Прим. авт.*) все спокойно и удивлено и возмущено петербургскими ужасами»²⁰³. При этом Константин мог предлагать, часто в одном и том же письме, противоположные оценки ситуации в регионе. Так, в мае 1828 г. он писал Николаю I в связи с судом над членами тайных обществ в Польше: «Наш печально известный долгий процесс движется к своему концу и публичные прослушивания будут закончены в понедельник, послезавтра, после чего приступят уже к суду. *Слава Богу, в стране все спокойно*». Однако уже в следующем абзаце он сообщал Николаю, что информация о строительстве крепости в прусской Польше у границы с Царством «очень беспокоит жителей... и заставляет их об этом судачить»²⁰⁴. Ровно так же великий князь вел себя в связи с решением сенатского суда, оправдавшего членов польских тайных обществ. Поддерживая императора в его возмущении против принятой резолюции, он одновременно заводил разговор об «исключениях» и необходимости вникнуть в суть самого появления недовольства в польском обществе²⁰⁵.

¹⁹⁹ Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 522. А. Х. Бенкендорф так описывает произошедшее: «... одна фраза великого князя поразила благородное сердце императора и заставила его отказаться от этого интересного проекта. Великий князь написал, что его честь будет задета, если на войну отправятся войска, которые он формировал, а он сам не сможет разделить с ними опасности и славу» (*Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 404*). Цесаревич вместе с тем согласился с решением императора об определении нескольких польских офицеров на театр военных действий и через Бенкендорфа поблагодарил брата за «благорасположение» к ним (*Константин Павлович, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А. Х. Бенкендорфом // Русский архив. 1884. № 6. С. 324*).

²⁰⁰ В военной канцелярии цесаревича сохранились описания сражений, включая взятие Варны, реляции, выписки из журналов, цветные карты и прочие сведения о ведении боевых действий в Турции (РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 567 (1828–1830 гг.). Л. 269–303 об.).

²⁰¹ [Чайковский М.] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши). С. 164.

²⁰² Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 523.

²⁰³ Там же. Вып. 2. С. 277.

²⁰⁴ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 226.

²⁰⁵ Там же. С. 235; Цесаревич Константин Павлович. 1816–1831 гг. // Русская старина. 1873. Т. 8 (сентябрь). С. 387.

Поводом для отсылки в Петербург противоречивых сведений об общественных настроениях в Польше стали для Константина даже успешные действия русской армии под Варной. Он сообщил графу А. Х. Бенкендорфу, который в какой-то момент стал посредником в коммуникации между братьями: «Я не нахожу слов, любезный генерал, чтобы выразить Вам радость... Прошу вас положить к стопам Его Величества мои самые искренние поздравления по этому случаю. Смею сказать, что мы с нетерпением ждали хороших известий... так как... мы потерпели от турок несколько неудач... *эти самые неудачи, которых нельзя было скрыть от публики, несмотря на бдительный надзор над ввозом иностранных газет, в некоторой степени оживили и ободрили недовольных, число которых, впрочем, очень незначительно.* Они с жадностью бросались на газеты и в особенности французские, на которые они смотрят как на Евангелие, и уже начали, так сказать, подымать нос»²⁰⁶. Этот отрывок очень показателен для понимания того, как выражал свои мысли Константин. Отмечая незначительное число недовольных, он сопровождал свой рассказ ярким описанием того, как последние «с жадностью бросались» на французские газеты. Выразительный образ провоцировал чувство тревоги. В этом отрывке важна не столько оценка Константином военной кампании 1828 г. (она во многом соответствовала реальному положению дел²⁰⁷), сколько стремление великого князя возвращать всё и вся к польским делам, указывая, что именно этой территории должно уделяться максимальное внимание, поскольку стабильность здесь неочевидна.

А. Х. Бенкендорф, рассказывавший в своих «Воспоминаниях» о коронации императора в Варшаве в 1829 г., прямо связывал решение Николая I провести церемонию с теми сомнениями, которые монарх испытывал в отношении Константина. По мнению главы Третьего отделения, император, стремившийся к постепенному пересмотру решений Александра I применительно к польским землям и испытывавший постоянное сопротивление со стороны цесаревича, хотел «увидеть все своими глазами»²⁰⁸. Едва ли, впрочем, речь шла о сборе информации. Скорее к концу 1828 г. Николай I серьезно задумался о необходимости укрепить свою позицию в польских землях, изменить баланс сил в регионе, сделав более зримым себя, и отодвинуть брата, так измучившего его постоянными спорами и давлением, на второй план²⁰⁹. В январе 1829 г. он писал Константину: «Вероятно, наш процесс (над членами Патриотического общества. – *Прим. авт.*) скоро закончится и с Божьей помощью я смогу оказаться в Варшаве с женой и сыном, как я и планировал это»²¹⁰.

1.4. «Магический талисман» против Орленка

В исключительно небольшой историографии, посвященной польской коронации Николая I, вопрос о причинах, побудивших императора провести церемонию, является дискуссионным. Чаще всего коронация предстает эпизодом из истории непростых русско-австрийских

²⁰⁶ *Константин Павлович*, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А. Х. Бенкендорфом. С. 327–328.

²⁰⁷ В переписке современников можно найти не менее яркие эпитеты. Так, А. А. Закревский писал П. Д. Киселеву: «Взятием Варны ваша кампания кончилась не так унижительно, как бы без оной таковую привели к концу» (Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 309).

²⁰⁸ *Бенкендорф А. Х.* Воспоминания. 1802–1837. С. 403.

²⁰⁹ О. С. Каштанова высказала предположение, что император намеревался «дискредитировать Константина Павловича» в связи с его приверженностью идее императора Александра I присоединить к Царству Польскому Литву (*Каштанова О. С.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41). В 1827 г. Николай и Константин действительно горячо обсуждали вопрос изменения территории Царства; к моменту принятия решения о коронации разговоры такого рода отошли в прошлое. Как будет показано дальше, коронация была выстроена исходя из стремления произвести на поляков максимально выгодное впечатление. Она должна была пробудить надежды, а не лишить их.

²¹⁰ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 301.

отношений первой половины XIX в.²¹¹ или объясняется стремлением императора привлечь на свою сторону польскую аристократию, сгладив последствия судебного процесса над членами Патриотического общества²¹². При этом последний аргумент оказывается также связанным с «австрийской темой» – Россия и Австрия предстают конкурентами в борьбе за польские земли и популярность среди поляков.

В правление императора Николая I взаимоотношения России и Австрии напоминали русские горки, и в начале царствования движение шло по нисходящей линии. В литературе утвердилось представление, что разлад начался еще при Александре I и был вызван соперничеством в польских землях. Принято также думать, что Австрия опасалась укрепления России на Востоке и, используя формулировку австрийского министра иностранных дел К. фон Меттерниха, возврата к «политике и стремлениям русских государей XVIII века»²¹³ – рассматривалась даже возможность поддержки Турции в войне с Россией 1828–1829 гг. Обсуждение этого вопроса пришлось на первый год войны – не слишком удачный для русского оружия²¹⁴.

Этот период сменился временем примирения и восстановления добрых отношений. Как известно, в 1849 г. войска императора Николая I по просьбе австрийского монарха, 18-летнего Франца Иосифа, приняли участие в подавлении Венгерской революции 1848–1849 гг. Император Николай I получил послание из Вены, находясь в Москве, где монаршая семья присутствовала при освящении только что построенного Большого Кремлевского дворца. Все произошло в пасхальную ночь. Великая княжна Ольга Николаевна так вспоминала этот момент: «Это была одна из самых красивых, но и самых утомительных церемоний в моей жизни: она длилась с полуночи до четырех часов утра. По ее окончании Папа (император Николай I. – *Прим. авт.*) получил депешу от юного Франца Иосифа Австрийского, просившего своего союзника о помощи против Венгерского восстания. Австрийская империя была в опасности. Папа сейчас же подписал приказ о походе русских войск»²¹⁵. Как пишет историк Е. В. Тарле, «австрийский генерал, который весной 1849 г. прибыл в Варшаву умолять Паскевича о помощи против Венгерской революции, в припадке сильного чувства даже стал на колени пред русским фельдмаршалом. И в тот момент этот жест очень точно символизировал отношение австрийской дипломатии к Николаю Павловичу»²¹⁶.

Интересна решительность или, быть может, поспешность, с которой, судя по словам дочери, император подписал приказ. Помимо очевидной приверженности охранительным принципам и резкого неприятия революционных движений, одной из интенций здесь было отношение Николая I к юному австрийскому монарху. Сам российский император много позднее писал о встрече с Францем Иосифом: «С первого свидания я почувствовал к нему такую же нежность, как к собственным детям. Мое сердце приняло его с бесконечным доверием как... сына»²¹⁷. Привязанность к Францу Иосифу, а также, как часто отмечают биографы Николая I, отсутствие стремления к гибкости во внешней политике, культ открытости и прямоты²¹⁸ сыг-

²¹¹ С. М. Фалькович, например, полагала, что Николай I был вынужден провести коронацию в Варшаве, чтобы «не дать „Орленку“ себя опередить» (Фалькович С. М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 406). См. также: *Zajewski W. Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim // Przegląd Humanistyczny. 1971. № 5 (86). S. 15–28.*

²¹² Каутанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41; *Аскеназу Ш. Царство Польское. 1815–1830 гг. С. 97; Zajewski W. Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim. S. 15–28; Kowalczykowa A. Królewskie wizyty Mikołaja I w Warszawie // Rocznik Warszawski. 1987. Т. XIX. S. 108.*

²¹³ Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы: исторические очерки. СПб., 1889. С. 53–55.

²¹⁴ Там же. С. 54–55.

²¹⁵ *Ольга Николаевна, великая княжна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 237.*

²¹⁶ Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 112.

²¹⁷ Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I: Муж, отец, император. М., 2000. С. 531.

²¹⁸ *Выскочков Л. В. Николай I. С. 333–411.*

рали свою роль в принятии решения. Возможно, определенное значение имело и время, когда сообщение было доставлено. Известие, полученное в ночь перед главным православным праздником, могло быть воспринято императором как своего рода знак.

Направив в Венгрию русский экспедиционный корпус, император резко изменил соотношение сил. Потерпев неудачу в попытках объединить остатки венгерской армии²¹⁹, командовавший войсками восставших Артур Гёргеи начал переговоры и в августе 1849 г. у селения Вилагос сдался генералу русской службы Ф. В. Ридигеру²²⁰.

В 1853 г., однако, Николай словно ударился о стену. Россия вступила в Крымскую войну против Османской империи, и с самых первых дней события начали развиваться совершенно не так, как рассчитывал монарх. Речь шла не только о том, что в конечном итоге России пришлось воевать с сильнейшей коалицией, где на стороне Турции выступали Франция и Великобритания. Император Николай, который полагал себя спасителем Австрии, рассчитывал на ее поддержку во время войны, тогда как Франц Иосиф, опасаясь укрепления позиций России на Дунае, был намерен поддержать противников своего спасителя. Современники писали о потрясении, которое испытал при этом Николай I. Он горько сожалел, что помог австрийцам подавить Венгерский мятеж²²¹, корил себя за «излишнюю доверчивость» и «жестокое заблуждение», называя австрийцев «вероломными и неблагодарными подлецами»²²².

Но вернемся к русско-австрийским взаимоотношениям начала николаевского царствования. С. М. Фалькович отмечает, что в целом скоординированная политика в польских землях, которую вели после разделов Польши Россия, Австрия и Пруссия, была осложнена после Венского конгресса введением в Царстве Польском автономии и конституции, которые стали «„бельмом в глазу“ для австрийского и прусского монархов, опасавшихся „дурного примера“». Это послужило триггером к тому, что Австрия и Пруссия, соперничая с Россией, «сами старались одновременно заигрывать с поляками»²²³.

В Царстве Польском в первые годы николаевского царствования сопоставление политики России и Австрии в отношении польских земель было неотъемлемой частью публичной риторики. Это подробно отразили материалы Третьего отделения. В донесениях Николаю I А. Х. Бенкендорф и М. Я. фон Фок, ритуально подчеркивая, что «благонамеренные поляки» Австрии не доверяют²²⁴, вместе с тем сообщали о разговорах, в которых Россия проигрывала сравнение. Донесения агентов фиксировали, что в Варшаве было распространено представление, что будто бы в австрийской Польше «все позволяют печатать без всякого искажения»²²⁵, «что политических преследований в Австрии нет и поляки живут спокойно, пользуются уважением двора, что литературе и истории не делают таких прижимок в Австрии как то делает Новосильцев в Варшаве»²²⁶. В ряде донесений приближенный Константина Павловича граф Н. Н. Новосильцев, напротив, рисовался пособником «австрийской партии» – человеком, постоянно наносившим вред взаимоотношениям поляков и российского императора²²⁷. В любом случае Австрия из поля зрения не исчезала.

²¹⁹ Очерк Венгерской войны 1848–1849 гг. СПб., 1850. С. 154.

²²⁰ *Görgei A.* My Life and Acts in Hungary in the Years 1848 and 1849. New York, 1852. P. 605–607.

²²¹ *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 1. С. 112–113.

²²² Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче. С. 531–532; *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 1. С. 478.

²²³ *Фалькович С. М.* Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М.: Индрик, 2009. С. 299.

²²⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 4. Л. 4.

²²⁵ Там же. Д. 5. Л. 57 об.

²²⁶ Там же. Л. 55–55 об.

²²⁷ Там же. Д. 4. Л. 8, 14.

Стоит отметить, что агенты Третьего отделения фиксировали и сравнения российской политики в Царстве Польском с отношением к полякам в прусских землях. Они также предсказуемо делались не в пользу России: «В Познани живут счастливо, смиренно без принуждения... наместника Антонио Радзивила весьма хвалит Король Прусский, говорит, устаивая, что мы которые ему давали советы, чтобы истребить в польских провинциях язык и народность польскую не понимали дела», «они (пруссак. – *Прим. авт.*) не мешают полякам быть поляками, и будут за то иметь верных друзей»²²⁸. Прусские польские территории в дискуссии, однако, упоминались много реже. Надо полагать, что сопоставление с Пруссией воспринималось в Царстве Польском как менее удобное для выстраивания системы давления, поскольку прусский король был тестем Николая I.

Императору регулярно сообщали и об австрийских агентах – реальных и мнимых. Так, в 1826 г. Николай получил следующее агентурное сообщение о настроениях в Польше: «...в Польше нет карбонариев, но есть общее неудовольствие и недовольные... а Меттерних слишком умен, чтобы отважиться на то, чтобы иметь явных агентов в русской Польше... Кажется, что желание восстановить снова иезуитов в России клонилось к сей цели... Австрия... одна из католических держав в состоянии их протектировать»²²⁹. А. Х. Бенкендорф и Константин Павлович в это время действительно много переписывались относительно «уловок» Меттерниха, направленных на то, «чтобы сделать приятное для галицийских подданных Австрии»²³⁰.

Агенты сообщали и о конкретных акциях, в которых участвовали австрийские подданные. Так, в 1827–1828 гг., в период активной критики введенных ограничений на изучение польской истории, император получал сведения о символических перформансах разного рода. Одним из таких мероприятий стала разыгранная в 1828 г. в Варшаве костюмированная сцена или «карнавал», в котором принял деятельное участие австрийский консул. Как сообщалось, «карнавал» был устроен польскими магнатами, решившими «вопреки... Великому инквизитору (Н. Н. Новосильцеву. – *Прим. авт.*) подышать свободно польским воздухом». Один из поляков так описал увиденное: «...в именины нашего знаменитого и боготворимого старца Немцевича был дан бал графиней Потоцкой, женой Станислава, на котором представлен был двор польского короля Сигизмунда Августа по описанию в романе Немцевича... „Ян из Тенчина“». Разыгранная сценка отсылала к временам Люблинской унии, объединившей Польшу и Великое княжество Литовское в Речь Посполитую. Иными словами, магнаты Царства Польского, оперируя категориями памяти, обыгрывали идею объединения, которое с учетом разыгранной роли австрийского посла трактовалось как возможность, вполне реализуемая при поддержке Австрии²³¹. Без сомнения, описания подобных действий должны были настораживать Николая I.

Еще одним случаем интервенции, на сей раз – словесной, на который обратили внимание агенты Николая I, стала произнесенная в феврале 1828 г. речь галицийского губернатора князя А.-Л. Лобковица. Третье отделение так представило императору произошедшее и реакцию на события в Варшаве: «...носятся слухи и ходят по рукам письма, что австрийский генерал Лобковиц, управляющий Галициею в собрании дворян или на ландтаге произнес речь на польском языке, что случилось в первый раз от присоединения Галиции к Австрии. Лобковиц якобы явился в собрание в польском платье и говорил о польской национальности, советовал

²²⁸ Там же. Д. 5. Л. 56 об.

²²⁹ Там же. Л. 11 об. – 12.

²³⁰ *Константин Павлович*, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А. Х. Бенкендорфом. С. 303. Примечательно, что в это время К. фон Меттерних размышлял о покойном Александре I и его политике. В 1829 г. он написал очерк о российском императоре (*Меттерних К. В. фон*. Император Александр I. Портрет, писанный Меттернихом в 1829 г. // Исторический вестник. 1880. Т. 1. № 1. С. 168–180).

²³¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 55–55 об., 56.

к будущему году всем полякам одеваться в национальный костюм. О речи его говорят газеты, что она исполнена достоинством и утешением для народа, заслуживающего лучшую участь»²³².

Рассказом о событии дело не ограничилось. Составитель документа позволил себе описать ситуацию в австрийской и русской Польше широкими мазками, увязав этот конкретный случай с общественными настроениями и ожиданием появления нового польского короля: «Толкуют в Галиции о Польском Короле, брате императора, неизвестно которм. Но... все наущения Австрии худо принимают и поляки не верят вероломной политике австрийского двора... Другие поляки рассуждают, что будто быть может поляки Австрии и заставят ее предпринять что-нибудь для Польши. Но как бы то ни было, поляки холодны к Австрии, говоря о массе народа и дворянства. Все взоры обращены, по словам поляков, на русского императора. *Будет ли он короноваться?..* Не подлежит никакому сомнению, что австрийцы сильно действуют через Галицию на умы поляков... Самые усиленные, пламенные патриоты говорят: „Дай Бог, чтобы Австрия сделала что-нибудь для блага нашего народа, тогда будем ей верны и простим все“... это точит польские сердца»²³³.

Приведенные выше указания на «толки» в австрийской Польше, обсуждение вопроса коронации и даже перечисление претендентов на корону не существующего в тот момент государства не были единичными. В другом донесении некоему «австрийскому интригану» приписывались такие слова: «Государь, вступив на престол обещал исполнить все предписанное Конституцию»²³⁴, а там именно сказано, что каждый король, наследник Александра, обязан короноваться. Государь короновался в Москве, а в Варшаве не хочет, потому что Россия сильна, а Польша слаба и может быть подавлена силою России. Но если государь почитает себя дозволенным не держать слово и ниспровергать закон коронный, то что же может удержать в покорности подданных кроме страха? Если же сила равная России вздумает покровительствовать Польше и возратить ей достоинство нации, тогда поляки не обязаны быть верными государю, к главе которого не прикасалась польская корона и которой не видел своего народа, не был на его совещаниях и призрел весьма их правами»²³⁵.

Нужно отметить, что коронация в Польше как аргумент в конкурентной борьбе не была идеей исключительно николаевского царствования. В начале 1810-х гг. Александр I также получал проекты с предложениями возложить на себя польскую корону, чтобы противодействовать популярности Наполеона в регионе. Так, в 1812 г. Н. Н. Новосильцев представил императору докладную записку ввиду угрозы нападения Наполеона на Россию. Указывая на создание в наполеоновской армии легионов «из дезертиров польских, из венгров, хорватов, одним словом из славян, собираемых им под предлогом соединения единоплеменных», Н. Н. Новосильцев писал, что действия такого рода воспринимаются как знак намерений Наполеона восстановить Польское королевство²³⁶. Н. Н. Новосильцев призывал императора Александра опередить Наполеона, который мог возложить польскую корону на себя или на своего брата Жерома, организовав брак последнего с дочерью герцога Варшавского Фридриха Августа²³⁷. Дабы умерить пыл польских «энтузиастов», Новосильцев предлагал провести «простую операцию» – короновать самого Александра как польского короля²³⁸.

Спустя полтора десятилетия Третье отделение предлагало все тот же выход – коронацию. «Имя короля есть магический талисман в Польше, который все переменит в одно мгновение», –

²³² Там же. Л. 58.

²³³ Там же. Л. 58–58 об.

²³⁴ Отсылка к Манифесту Николая I от 13 (25) декабря 1825 г.

²³⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 4. Л. 10 об. – 11. Об антирусских настроениях в Царстве Польском см. также: ОР РНБ. № 1000. Оп. 2. Д. 411.

²³⁶ ОР РНБ. Ф. 526. Д. 7. Л. 3 об. – 5.

²³⁷ ОР РНБ. Ф. 526. Д. 7. Л. 4.

²³⁸ Там же. Л. 8–8 об.

сообщали императору. Действительно, идея коронации Николая I в Варшаве представлялась польскому обществу значимой с самого начала его царствования. В агентурных записках из Польши, которые собирала политическая полиция империи, тема будущей коронации поднималась постоянно²³⁹. М. Я. фон Фок еще в 1826 г. сообщал императору, что «благонадежные поляки» полагают, что «для успокоения умов в Польше, привязывании сердец к особе Государя, уничтожения всех интриг... и пресечения злоупотреблений [надлежит] посетить государю Вильно и Варшаву с наследником престола и возложить на себя корону. Произнести речь от трона, в которой бы было несколько исторических воспоминаний о славном народе, его верности и любви короля и обещаний удержать невредимыми их права и конституцию»²⁴⁰. Польские источники личного происхождения фиксируют схожую картину – коронацию ждали, к ней готовились и при этом полагали, что Николая отговаривают от подобного жеста. Н. Кицка прямо пишет, что русское общество, которое польская мемуаристка идентифицирует как «старое», противодействовало подобному развитию событий²⁴¹. Однако время шло, а Николай все не ехал в Варшаву, и корону стали примерять на других претендентов.

Разговоры о том, что в Вене рассматривают вопрос о проведении коронации во Львове или – как вариант – возложении на нового претендента титула «великого князя Галиции», стали тревожить Николая I, когда титул польского короля начали примерять не на «брата императора, неизвестно которого», а на герцога Рейхштадтского²⁴². За титулом герцога Рейхштадтского скрывался подраставший Наполеон II, единственный законный сын Наполеона Бонапарта и Марии-Луизы Австрийской, в пользу которого, как все, конечно, помнили, было первоначально подписано не принятое союзниками отречение Бонапарта. Титул герцога Рейхштадтского Наполеон II (или Орленок, как любовно называли сына Бонапарта в Европе) получил в подарок от деда, австрийского императора Франца II.

В Польше, как известно, существовал настоящий культ Наполеона²⁴³. Это культурное явление, как уже отмечено в литературе, было в значительной мере однонаправленным и мало соотносилось с социальной реальностью начала века. Так, Дж. Стенли показал, что появление поляков в наполеоновских легионах не сломало заданный эпохой Просвещения тренд и не изменило восприятие французов, видевших Польшу вполне ориенталистски²⁴⁴. Стенли подробно описывает поведение французских войск в Польше, обращая внимание на происшедшие грабежи и изнасилования, что мало отличалось от действий на завоеванной территории²⁴⁵. В польской историографии, однако, позиция Наполеона в отношении Польши, как правило, интерпретируется в рамках борьбы за восстановление страны²⁴⁶.

В послевоенной Польше любая отсылка к имени Наполеона оказывалась эмоционально окрашенной безотносительно того, на каком уровне она появлялась: к образу Наполеона апеллировали члены тайных организаций, а поляки, вступавшие в турецкую армию в период Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., распространяли слухи, что французский император жив и находится в их рядах²⁴⁷. С другой стороны, великий князь Константин Павлович был не

²³⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 4. Л. 8, 10 об. – 11; Д. 5. Л. 58.

²⁴⁰ Там же. Д. 5. Л. 10 об. О рассуждениях схожего характера см.: Там же. Л. 14 об.

²⁴¹ *Kicka N.* Pamiętniki. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1972. S. 156.

²⁴² *Фалькович С. М.* Миф Наполеона в сознании поляков // Славяноведение. 2012. № 6. С. 76.

²⁴³ Там же. С. 74–77; *Nance A. B.* Literary and cultural images of a nation without a state. The case of 19th century Poland. P. 19–23.

²⁴⁴ Это подтверждается и прямыми высказываниями Наполеона (*Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. Таллин; М.: АО «Скиф Алекс», 1994. С. 357).

²⁴⁵ *Stanley J.* French Attitudes toward Poland in the Napoleonic Period // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 2007. Vol. 49. № 3/4. P. 209–227; *Idem.* Napoleon and Poland: On the 200th Anniversary of the Establishment of the Duchy of Warsaw: Introduction // Canadian Slavonic Papers. Revue Canadienne des Slavistes. 2007. Vol. 49. № 3/4. P. 169–170.

²⁴⁶ См., например: *Zamoyski A.* 1812: Napoleon's Fatal March on Moscow. L.: Harper Collins, 2004. P. 510.

²⁴⁷ *Фалькович С. М.* Миф Наполеона в сознании поляков. С. 76.

менее увлечен образом Наполеона. Он восхищался военным гением французского императора²⁴⁸; считается даже, что по этой причине в 1800-е гг. великий князь не желал принимать участие в военных действиях против Франции²⁴⁹. Известно, что цесаревич дорожил полученными от Наполеона в 1807 г. орденом Почетного легиона и золотой саблей²⁵⁰. Символично, что его польская жена получила титул в честь имени Лович, где в родовом склепе была похоронена польская любовница Наполеона Мария Валевская. Эта территория прусской Польши, ставшая частью Российской империи, была отдана в личное владение Константину Павловичу и явно не случайно стала основой титула его возлюбленной. Семиотически в этой композиции Иоанна Грудзинская (Лович) становилась Марией Валевской, а Константин мог примерить на себя образ своего кумира²⁵¹.

И все же игры в Наполеона в любой момент могли утратить безобидность. Показательна реакция русского правительства на приезд в Варшаву в 1824 г. Александра Валевского, незаконнорожденного сына Наполеона и Марии Валевской. Молодой человек вызывал пристальный интерес Петербурга. Третье отделение следило за его перемещениями, а великий князь Константин Павлович переписывался на его счет с А. Х. Бенкендорфом. Бегство Валевского в Англию через Петербург вызвало возмущение цесаревича, потребовавшего от Бенкендорфа принудить французское правительство к высылке юноши, если он объявится в Париже²⁵². Неудивительно поэтому, что возникновение слухов о том, что законный сын Наполеона может претендовать на власть в Польше, обеспокоило Николая I.

Император и его окружение понимали, что полякам было все равно, с какой территории начнется объединение Польши. На фоне разговоров о планах Австрии относительно коронации и обсуждавшейся среди галицийских поляков идеи австро-русской войны ради объединения польских земель²⁵³ появление фигуры Наполеона II было особенно тревожным. Монарх нервничал, стремясь понять природу слухов, и вновь обращался к брату. В марте 1828 г. он писал Константину Павловичу: «Дело Меттерниха или маленького Наполеона – это фарс, который они (австрийцы. – *Прим. авт.*) хотят, чтобы мы приняли за чистую монету, чтобы отвлечь наше внимание; тактика, которую... Вы распознали, но, тем не менее, было бы ценно суметь раскрыть источник этого шума»²⁵⁴. Великий князь, сообщавший брату ранее, что «маленький Наполеон» «входит в доверие... в Галиции», получив просьбу императора «расследовать» дело, ответил отказом. По словам цесаревича, изучить ситуацию подробнее возможным не представлялось, «так как нужно опросить целиком все население Польши, Галиции, Познани и Литвы, Волыни и т. д., одним словом, всех поляков»²⁵⁵. В другом письме он утверждал относительно интриги вокруг Орленка, что «невозможно иметь... материалы более достоверные,

²⁴⁸ Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 13.

²⁴⁹ Каутанова О. С. Путешествия великого князя Константина Павловича в системе военно-политических и династических интересов Российской империи // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / Отв. ред. О. В. Хаванова, М. В. Лескинен. М.; СПб., 2015. С. 180.

²⁵⁰ Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 13.

²⁵¹ Интересно, что это место было связано также и с памятью о наполеоновском маршале – поляке Юзефе Понятовском. Тело Понятовского, утонувшего в битве при Лейпциге, было разрешено доставить в Варшаву. Некоторое время, до получения распоряжений от великого князя Константина Павловича, его тело оставалось в имении Лович (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1190. Л. 3). Подробнее о мемориальных практиках в период правления Александра I, направленных на увековечивание памяти о Юзефе Понятовском, см. главы 7–8.

²⁵² Константин Павлович, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А. Х. Бенкендорфом. С. 303–304.

²⁵³ Фалькович С. М. Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском. С. 405.

²⁵⁴ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 213.

²⁵⁵ Там же. С. 210.

чем те, что я Вам дал»²⁵⁶. Отказываясь входить в нюансы дела, настаивая, что последнее представляет собой не более чем «выдумку», и даже прямо отправляя Николая разбираться со слухами к министру иностранных дел К. В. Нессельроде, великий князь Константин, конечно, не только не успокаивал молодого монарха, но, напротив, усиливал в нем ощущение утраты контроля над регионом.

Как уже говорилось, Константин сам активно разыгрывал австрийскую карту, чтобы подтолкнуть императора к тем или иным действиям или, напротив, предотвратить их²⁵⁷. В преддверии войны с Турцией 1828–1829 гг. великий князь информировал брата о передвижении войск на австрийской границе²⁵⁸. Более того, Константин Павлович более или менее предметно готовил сценарий действий на случай вступления Австрии в войну с Россией. Так, в Третьем отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии сохранился рапорт генерал-лейтенанта Кривцова о сожжении во время Польского восстания 1830–1831 гг. секретных документов, хранившихся во дворце цесаревича Константина Павловича в Варшаве. Согласно этому рапорту, Кривцов уничтожил переписку цесаревича за 1827–1828 гг. При этом последняя заключала материалы об учреждении Обсервационной армии и секретные предложения «на случай разрыва с Австрией, действовать наступательно»²⁵⁹. В тот момент, однако, император Николай не слишком верил в перспективу того, что с началом действий против Турции Австрия откроет войну на западных границах Российской империи. Весной 1828 г., уже обсуждая детали будущей Турецкой кампании, император предлагал брату оставить в Замостье немного войск «на случай неожиданной атаки», добавляя при этом, что подобное «очень маловероятно при нынешнем положении дел»²⁶⁰

²⁵⁶ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 216.

²⁵⁷ В литературе существует мнение, что Константин Павлович крайне подозрительно относился к Австрии еще со времен суворовских походов, в которых принимал участие (*Капитанова О. С.* Путешествия великого князя Константина Павловича в системе военно-политических и династических интересов Российской империи. С. 179).

²⁵⁸ *Фалькович С. М.* Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском. С. 299.

²⁵⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 77. Л. 5 об. Другие источники также подтверждают, что архив цесаревича остался в Варшаве (РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5424. Л. 1).

²⁶⁰ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 223.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.